

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

**ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 4 (23), 2020

Тверь 2020

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2020. № 4 (23). 94 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:
http://www.tstu.ver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования
(адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ	5
Михайлова Е.Е. Взаимосвязь культуры и истории в философском наследии Л.П. Карсавина	5
Потамская В.П. Философия К.Г. Гемпеля: дедуктивно-номологическая модель объяснения истории	13
Соболева Н.А. Н.И. Кареев об общегуманитарном характере философии истории Ф. Шеллинга	20
Туманова О.И. Страх как инструмент политики	27
Маякова А.В. Классификации социокультурных рисков	32
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ.....	39
Гайнутдинов Р.М. Проектирование программы развития образовательной организации как антикризисная стратегия	39
Григорьева Д.Д., Михеев М.И., Потамская В.П. Self-responsibility у ординаторов в условиях пандемии COVID-19	45
Верпатова О.Ю. Идеализации ролевого поведения в пространстве социальных сетей (на примере анализа образа идеальной матери)	54
Власенко Н.Ю. Особенности копинг-поведения пожарных-спасателей с разным стажем работы.....	60
Макарова А.В., Лаптева Е.В. Отношение студентов к проблеме трудоустройства.....	67
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ	72
Лазарева О.С., Артемьев А.А. Проблемы управления земельными ресурсами региона, влияющие на устойчивость развития землепользования	72
Бородулин А.Н. Тенденции развития современных систем анализа данных в экономике.....	79
Самылина Ю.Н. Структурный анализ производства продукции сельского хозяйства (на материале Тверской области)	85
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ	91

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT	5
Mikhailova E.E. Interconnection of culture and history in the philosophical heritage of L.P. Karsavin.....	5
Potamskaya V.P. C.G. Hempel's philosophy: deductive-nomological model of historical explanation	13
Soboleva N.A. N.I. Kareev on the general humanitarian character of F. Schelling's philosophy of history	20
Tumanova O.I. Fear as a policy tool	27
Mayakova A.V. The classification of socio-cultural risks.....	32
PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE	39
Gaynutdinov R.M. Designing the development program of an educational organization as an anti-crisis strategy	39
Grigorieva D.D., Mikheev M.I., Potamskaya V.P. Self-responsibility at ordinators under conditions pandemic COVID-19.....	45
Verpatova O.Yu. Idealization of role behavior in the space of social networks (on the example of the analysis of the image of the «ideal mother»)	54
Vlasenko N.Y. Features of coping behavior of firefighters-rescuers with different work experience.....	60
Makarova A.V., Lapteva E.V. Attitude of students to the problem of employment	67
PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT.....	72
Lazareva O.S., Artemyev A.A. Problems of regional land management affecting the sustainability of land use development.....	72
Borodulin A.N. Trends in the development of modern data analysis systems in the economy	79
Samylina Y.N. Structural analysis of agricultural production (based on material from the Tver region)	85
ARTICLE RULES FOR JOURNAL PUBLISHING	91

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1 (091)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Л.П. КАРСАВИНА*

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь
Международный центр изучения русской философии (МЦИРФ), г. Санкт-Петербург

© Михайлова Е.Е., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-5-12

Рассматривается вопрос взаимосвязи культуры и истории в философском наследии русского религиозного мыслителя рубежа XIX–XX вв. Л.П. Карсавина. Показано, что культура и история, в интенции Л.П. Карсавина, представляют собой результат как высшей актуализации Абсолюта, так и деятельности эмпирического субъекта. Во всякой культуре есть свое личное начало. Именно личность является тем «мостиком», который связывает культуру и историю. Выявлена модель взаимосвязи культуры и истории, в воззрениях Л.П. Карсавина: тезис (культурная традиция) – антитезис (разрушение традиции) – снятие антитезиса (новое как результат творческой переработки традиции). Сделан вывод, что взаимосвязь культуры и истории носит иррациональный характер, поскольку последовательность и сила изменений культурных форм во многом зависят от личности.

Ключевые слова: Л.П. Карсавин, культура, история, диалог культур, традиция, личность.

В институте философии Санкт-Петербургского государственного университета на базе кафедры русской философии и культуры вот уже десять лет действует Международный центр изучения русской философии (МЦИРФ), интегрирующий теоретические разработки ведущих исследователей русской философии со всего мира. С этой целью в институте и на философском факультете Папского университета Иоанна Павла II в Кракове (Польша) [6] ежегодно проводятся тематические международные чтения. Эти встречи позволяют поднимать актуальные вопросы, связанные с историей и проблематикой русской философии, инициируют научные дискуссии и международное издательское сотрудничество. Так, в 2018 г. прошли Шестые Международные чтения по истории русской философии «Наследие Льва Платоновича Карсавина в отечественной и зарубежной науке и философии».

В качестве сотрудника МЦИРФ я приняла участие в карсавинских чтениях, выступив с докладом «Субъект познания в философии истории Л.П. Карсавина: мышление – “бодрствование” – оценивание» [7]. О философском наследии Л.П. Карсавина я имела представление благодаря знаниям, полученным в ходе

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

изучения учебной программы. Однако оно поразило меня на этих чтениях подачей материала: метафизическая историософия оказалась приближенной к практике исторической науки, а воззрения русского философа и богослова на человека, его культуру, историю и общество показались гармоничными и востребованными сегодня, причем не только думающими людьми, но и теми, кто живет в пространстве религиозной веры.

Размышления над проблематикой взаимосвязи культуры и истории в философии Л.П. Карсавина следует начать с фиксации нескольких важных тезисов: время его жизни – это, как замечает С.С. Хоружий, «эпоха тектонических культурных и социальных перемен» [9]; плодотворным походом к изучению прошлого, по мнению А.Е. Рыбаса, является культурно-исторический подход [8]; спекулятивная философия истории, как пишет А.В. Малинов, может иметь практический смысл [5]; отечественным мыслителям, как указывает М.М. Шибаева, свойственен поиск идеала как меры художественного творчества и ценности методологических исканий [10]. Эти тезисы, сведенные вместе, позволяют содержательно тематизировать вопрос о специфике взаимосвязи культуры и истории в философском наследии Л.П. Карсавина.

Л.П. Карсавин (1882–1952) жил во время сильных потрясений и перемен рубежа XIX–XX столетий. Привычные нарративы культуры и истории буквально «взрывались» на глазах университетской интеллигенции. Прежние традиции и ценности «поглощались» и «размывались» под воздействием небывалых по своей разрушительной силе событий – Первой Мировой войны, трех русских революций и последовавшей за ними череды политических репрессий, растянувшихся на полстолетия. В сложных и противоречивых условиях революционной жизни Петрограда Л.П. Карсавин пишет книгу «Философия истории» (издана в эмиграции, в 1923 г.). В этой книге он излагает свои взгляды на познание прошлого и на фигуру историка как субъекта исторического познания. А.В. Малинов оценивает эту книгу так: «Карсавин ... постарался максимально приблизить историософию всеединства к нуждам и практике самой исторической науки. В этом ценность его подхода» [5, с. 195].

Два обстоятельства во многом определили замысел еще одной книги философа, получившей название «Культура Средних веков» (1918), – пребывание Л.П. Карсавина в пространстве религиозной веры и случившийся на его глазах в Российской империи революционный переворот. Указанное сочинение, небольшое по объему, – своего рода ответ мыслителя на большевистский переворот в России, ответ отрицательный и предельно публичный. Л.П. Карсавин был экстраординарным профессором Петроградского университета, но имел довольно неустойчивое служебное положение, так как не числился в штате и, следовательно, не получал жалованья, довольствуясь лишь гонораром от платных лекций для студентов. Однако он, несмотря на такую личную финансовую ситуацию и атеистическую политику новой власти, проявляет весьма серьезную религиозную активность, в частности выступает организатором «Всероссийского братства мирян в защиту церкви», берется за чтение курса лекций «История религии», организовывает семинары по темам «История христианской догмы и философии», «Средневековые ереси», «Средневековая мистика».

В книге «Культура Средних веков» Л.П. Карсавин отказывается от методологического принципа и предпринимает попытки синтетического изложения материала. Правда, он признавал тот факт, что эти попытки весьма «рискованные» [2, с. 6]. Ко времени преподавания Л.П. Карсавина сложились четыре основных подхода к изучению истории русской философии – религиозный, сциентистский, идеологический и культурно-исторический (последний был новым и перспективным). «Культурно-исторический подход кардинально отличается от первых трех и стоит как бы особняком от сложившейся традиции, однако именно он становится все более востребованным в настоящее время», – отмечает А.Е. Рыбас [8, с. 43].

Трудно точно сказать, какой подход лежит в основе изложения материала в сочинении «Культура Средних веков». Скорее всего, перед нами синтез религиозного (концепция всеединства), сциентистского (многофакторность), идеологического (идеи и идеалы как «качествования» эмпирического мира) и культурно-исторического (история как круговорот культурных форм) подходов. Уверенно можно сказать только то, что подобным способом в России еще никто не писал. Возможны лишь ассоциации с сочинением Й. Хейзинги «Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции», однако эта работа была издана в 1919 г., т. е. спустя год после выхода книги Л.П. Карсавина.

В качестве историка-медиевиста Л.П. Карсавин мог бы изложить материал в координатах исследовательской науки. Однако медиевистика сама по себе не была для него конечной целью: она обеспечивала его материалом для философской рефлексии [9, с. 42]. Поэтому текст Л.П. Карсавина – это, скорее, попытка интерпретации и постижения прошлого. Воплощая идею неокантианцев о ценностях культуры, русский философ берет за основу ключевые, на его взгляд, формы культуры и осуществляет их перекрестную референцию во времени и пространстве. Такой дискурсивный прием вызывает удивительный эффект: перед глазами читателя предстает динамичная картина смысловых структур и образов Средневековья.

Культура, по Л.П. Карсавину, есть система «качествования» индивидуальностей [4, с. 267]. «Качествование» – это его специфический термин, означающий особый момент самосознания индивидуального или коллективного субъекта познания. В какой-то мере он перекликается с термином французского теоретика И. Тэна «главенствующая способность» культуры. Вскрывая основы взаимосвязи культуры и истории, Л.П. Карсавин признает, что состояние культуры отражает состояние исторической науки, равно как и наоборот – историческая наука явственно олицетворяет культуру эпохи [3, с. 219].

Л.П. Карсавин видит, что в среде современных ему исследователей нет единого определения понятия «культура». С одной стороны, культура трактуется как та или иная индивидуальность (культура народа, культура сословия и т. д.), с другой – культура означает культуру эпохи, свойственную конкретной совокупности народов (европейская культура, русская культура и т. д.). Однако эти невнятность и двусмысленность не смущают Л.П. Карсавина, так как он придерживается особой позиции: культура как целое есть природа высшей личности, а как частное – индивидуализация человечества, всеединого во всех

народах. Во всякой культуре есть свое личное начало. На этом и выстраивает Л.П. Карсавин взаимосвязь культуры и истории. Прочитируем в качестве иллюстрации этого положения философа слова из его работы: «Это “личное” – его можно назвать идеей культуры – не определимо абстрактно: оно раскрывается в конкретном всеединстве индивидуализаций – качественностей и индивидуальностей – данной культуры и только через них символически познается» [3, с. 161].

Культурная динамика в воззрениях Л.П. Карсавина выглядит как круговорот форм. Традиции прошлого разрушаются, через разрушение они усваиваются новыми субъектами и творчески перерабатываются ими, новое тотчас же коснеет и становится традицией [2, с. 172]. Л.П. Карсавин создал эту модель иррациональной диалектики жизни явно под влиянием трехчастной модели Г.В.Ф. Гегеля: тезис (традиция) – антитезис (разрушение традиции) – снятие антитезиса (появление нового в результате творческой переработки традиции). Иррациональное здесь проявляется в том, что последовательность изменений и их сила во многом зависят от личности, представляющей собой как высший момент всеединства, так и эмпирический субъект бытия.

Любая культура, в интенции Л.П. Карсавина, вызревает из своего потенциального единства. Соответственно, культура Средневековья зарождается в лоне Античности и постепенно становится всевременным единством, не ограниченным временем и пространством своего расцвета. Вместо того, чтобы в хронологическом порядке излагать события Средних веков, Л.П. Карсавин берет две большие категории – власть и религия – и следит за их диалогом, делящимся на протяжении нескольких веков. Отметим, что хронологическая последовательность при описании средневековых событий у философа присутствует, но лишь в качестве второстепенного элемента написания книги. Диалог для него – это смена культурных традиций, которая осуществляется постепенно через общение. Усвоение новых элементов, по наблюдениям Л.П. Карсавина, сначала понижает общий уровень культуры, вызывает оскудение ее смыслообразующего центра, поскольку собственные живые силы вынуждены растрачиваться на новую цивилизаторскую работу. Слабея, культурные силы перестают быть творческими, сужают круг своего действия, начинают ориентироваться на «бережение старого», следовательно, становятся «недействительной традицией» [2, с. 14]. «Бережно хранить» – это недействительная традиция, «творчески хранить» – вот она, по Л.П. Карсавину, настоящая традиция [2, с. 14, 24].

Первым центром культурной жизни, согласно карсавинской картине Средневековья, является Римская империя. Затем центр смещается: церковь становится преемницей накопленных традиций. Тот факт, что процесс разложения и утраты политического единства порождает «тягу к единству религиозному», Л.П. Карсавин объясняет открытостью христианского учения [2, с. 25]. Для него культура Средневековья – это синтез поздней Античности и варварства; в результате этого синтеза римская культурная традиция и римская государственность переплетаются с германским началом. Такой исторический синтез порождает новую культурную энергию: инстинкт государственности и дух религиозности ведут к слиянию разных культурных начал [2, с. 44, 48]. Так и

случилось с германскими племенами: «Освобожденный от власти своей традиции, сменивший религию отцов, германец обнаружил бессознательную и необычайную восприимчивость к влиянию чужого быта. Не сдерживаемая ничем личность бурно проявляла во вне накопленную в ней родом энергию» [2, с. 51].

По наблюдениям Л.П. Карсавина, процесс перемещения центра культуры не застывает, а постоянно дрейфует и разворачивается по-новому под воздействием накопившихся факторов. Так, например, при Карле Великом ослабевают старые культурные центры – власть и религия; новым духовным центром вместо предыдущих центр становятся школы, ставшие впоследствии университетами [2, с. 166].

Современно звучат рассуждения Л.П. Карсавина относительно того, что культурная традиция может быть одновременно и реальной, и символической. Так, например, у германцев реальным фактором преемственности традиций выступала государственно-военная организация, заимствованная у Римской империи, а представления германцев о государственности, верности и личной связи можно отнести уже к разряду символических форм восприятия традиций римских императоров [2, с. 53].

Динамика традиций Средневековья, показанная Л.П. Карсавиным в виде культурных кругов, базируется также на принципе противопоставления. История, по его мнению, достигает своей полноты только в христианской культуре, становление которой осуществляется через противопоставление пантеизму и теизму. Начальная стадия любой религиозной культуры, будучи потенциально христианской, содержит в себе и пантеизм, и деизм. Историческое христианство индивидуализирует свои истоки, противопоставляет им себя и осознает себя только в такой противопоставленности. Примечательно, что Л.П. Карсавин не просто допускает, что историческое бытие и историческое знание свойственны не только христианской культуре, но и ратует за взаимное изучение различных культур в их стремлении к возможной полноте своего выражения [3, с. 215].

Проблема взаимосвязи культуры и истории всегда находится в центре внимания исследователей [1]. В философском наследии Л.П. Карсавина она приобретает новый ракурс, обозначить который можно следующим образом: «историческое знание направлено к идеалу». Историческая наука, по Л.П. Карсавину, для достижения своих целей сочетает два посыла – генерализирующий и индивидуализирующий моменты познания эмпирического субъекта, т. е. эмпирического развития человека. Каждый момент бытия именуется им как «качествование» развивающегося субъекта. Соответственно, история есть «качествование», означающее, что без истории как «науки» нет истории как «действительности».

В свою теорию всеединства Л.П. Карсавин вставил мысль о том, что развивающееся человечество должно актуализироваться в самопознании каждой индивидуальности. Субъект, представляющий собой всеединство моментов, сам оказывается лишь моментом высшего субъекта, другими моментами которого являются иные субъекты (и «объекты») [3, с. 43]. Получается, что историк как момент высшего субъекта способен актуализироваться в процессе самопознания. События прошлого («ино-трансубъективного») конструируются им двумя

способами – историк вспоминает (работает с фактами) и историк переживает (оценивает факты). Л.П. Карсавин воспринимает прошлое как особое «качествование», отличное от настоящего, и оно, прошлое, всякий раз перестает быть живым. «Оно “омертвело”, сделалось чем-то неживым, приобрело какую-то непреодолимую “определенность”», – пишет историк-медиевист [3, с. 46]. Поэтому именно субъект познания как актуализированный и эмпирический момент высшего субъекта способен интерпретировать прошлое и заставить его вновь «звучать», т. е. стать актуальным. Если говорить о субъекте познания, то, вживаясь в прошлое и ориентируясь на будущее, историк всегда находится в настоящем [7].

Историческое знание, как и любое знание, согласно Л.П. Карсавину, направлено к идеалу. Сочетая логику и идею всеединства, он говорит о разнице понятий «завершенность» и «ограниченность». Завершенность, по Л.П. Карсавину, несет двойную нагрузку: она полнота эмпирического бытия (завершенность в буквальном смысле) и острота осознания не до конца реализованной возможности (завершенность как совершенство, идеал). Именно в силу ощущения остроты не до конца реализованной возможности осознания совершенство не может быть достигнуто только эмпирически. Такое совершенство (т. е. базирующееся на описанном выше ощущении), по Л.П. Карсавину, и есть идеал,

Эмпирическая история не существует без целеполагания и стремления к идеалу. Познать историческую действительность и ее развитие можно только через признание направленности истории к идеалу, заключающему в себе возможность оценки всех моментов развития. Таким образом, идеал истории, в интенции Л.П. Карсавина, – это «усовершенная историческая действительность» [3, с. 247]. Как высшая реальность идеал есть «бытие истории в Абсолютном и в качестве Абсолютного» [3, с. 220]; как эмпирическая реальность идеал есть направленность субъекта познания, острота осознания им не до конца реализованной возможности. Историк должен проделать «черную работу» над источниками, но не для того, чтобы в процессе ее уловить саму сущность исторического. Она лучше и легче всего улавливается в ограниченной области источниковедения, где нет соблазнов отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем. Поняв сущность исторического познания, историк должен в себе актуализировать, т. е. понять, изучаемую им эпоху как момент общечеловеческого развития и таким образом осмыслить само это развитие. История направлена к идеалу, однако Л.П. Карсавин не признает теорию прогресса, где идеал – это всегда некое будущее, которое еще не наступило. В карсавинской философии всеединства идеал объемлет собой всю историю и «всякий ее момент направлен к своей усовершенности в идеале» [3, с. 247]. Такова картина идеала, нарисованная мыслителем: идеал расположен не в начале, не в середине и не в конце; он представлен каждым моментом развития культуры и истории.

В качестве обобщения высказанных суждений отметим следующее:

культура и история, по Л.П. Карсавину, представляют собой «качествование» человеческого бытия, моменты высшей актуализации Абсолюта и одновременно результаты деятельности эмпирического субъекта.

во всякой культуре присутствует свое личное начало. Именно оно является тем «мостиком», который соединяет культуру и историю;

под влиянием Г.В.Ф. Гегеля Л.П. Карсавин создает модель взаимосвязи культуры и истории: тезис (культурная традиция) – антитезис (разрушение традиции) – снятие антитезиса (новое как результат творческой переработки традиции). В основе этой модели лежит диалог традиций. Однако она имеет иррациональный характер. Иррациональное проявляется в том, что последовательность и сила культурных изменений во многом обусловлены личностью;

по Л.П. Карсавину, диалог культур способствует смене отживших традиций, появлению новых и актуальных.

В свете традиции и современности работа Л.П. Карсавина «Культура Средних веков» остается интересной не только как книга, отражающая «дух эпохи». Актуальным видится дискурсивный прием философа, позволяющий конструировать смысловые структуры ушедшей культуры таким образом, что для читателя они становятся собственным ценностно-эстетическим отношением к прошлому. Л.П. Карсавин говорит нам, как сложно сохранить баланс закрытости культуры (традиции, авторитеты) и ее открытости (торговля, войны, соседское заимствование). Смещающийся центр культуры, преемственность как творчество, символические и реальные силы культуры – над этими и другими категориями Л.П. Карсавина можно размышлять и сегодня, рассматривать их как приемлемые для современности ориентиры.

Библиографический список

1. Губман Б.Л. Культура и история // Культура и история: сборник научных статей / отв. ред. Б.Л. Губман. Тверь: ТГУ, 2000. С. 3–13.
2. Карсавин Л.П. Культура Средних веков. Киев: Символ; AirLand, 1995. 208 с.
3. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. 352 с.
4. Ковалева Е.О. Преемственность культурных традиций в воззрениях Л.П. Карсавина // Вече. 2018. № 30. С. 267–272.
5. Малинов А.В. «Философия истории» Л.П. Карсавина в традиции преподавания философии истории в Петербургском университете // Соловьевские исследования. 2019. № 2. С. 193–206.
6. Международный центр изучения русской философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.spbu.ru/rusphil/1558> (дата обращения: 16.05.2020).
7. Михайлова Е.Е. Субъект познания в философии истории Л.П. Карсавина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 141–144.
8. Рыбас А.Е. Основные подходы к изучению истории русской философии // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2014. № 1. С. 42–63
9. Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Лев Платонович Карсавин. М.: РОССПЭН, 2012. С. 30–96.
10. Шибаева М.М. Отечественные мыслители об идеале // Обсерватория культуры. № 3. 2008. С. 4–9.

INTERCONNECTION OF CULTURE AND HISTORY IN THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF L.P. KARSAVIN

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

We consider the relation between culture and history in the philosophical heritage of the Russian religious thinker at the turn of the XIX–XX centuries L.P. Karsavin. It is shown that culture and history, in Karsavin's intentions, represent the result of the highest actualization of the Absolute and at the same time are the result of the activity of an empirical subject. Every culture has its own subjective origin. It is the personality that is the «bridge» that connects culture and history. A model of the relationship between culture and history, in the views of L.P. Karsavin, is revealed: thesis (cultural tradition) – antithesis (destruction of tradition) – removal of antithesis (something new, as a result of creative processing of tradition). It is concluded that the correlation between culture and history is irrational, since the sequence and strength of changes in cultural forms largely depend on the individual.

Keywords: *L.P. Karsavin, culture, history, dialogue of cultures, tradition, personality.*

Об авторе:

Михайлова Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, сотрудник Международного центра изучения русской философии, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

Mikhailova Elena Evgenyevna – PhD, Professor, Employee of the International Center of the Study of Russian Philosophy, St. Petersburg, Russia. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 1 (091)

ФИЛОСОФИЯ К.Г. ГЕМПЕЛЯ: ДЕДУКТИВНО-НОМОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЪЯСНЕНИЯ ИСТОРИИ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Потамская В.П., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-13-19

В статье рассматривается дедуктивно-номологическая модель объяснения К.Г. Гемпеля, акцентировавшая важнейший аспект научного объяснения – связь с законами науки. Демонстрируется, что особенность исторического объяснения состоит в том, что общие законы вследствие их обыденности и очевидности не формулируются в явном виде.

Ключевые слова: история, модель охватывающих законов, объяснение.

Проблема исторического объяснения оказалась в центре внимания К.Р. Поппера, а затем и К.Г. Гемпеля во второй половине XX в. К.Р. Поппер, предпринявший строгий анализ исторического объяснения, утверждал, что история должна быть объяснена посредством дедукции исходя из общих законов и изначальных условий, которые обычно рассматриваются как причины событий. К.Г. Гемпель, развивая попперианскую концепцию объяснения, предложил дедуктивно-номологическую модель объяснения на основе общих, или охватывающих, законов.

По мнению Е. Река, К.Г. Гемпель обычно не рассматривался как мыслитель того же масштаба, что и Г. Рейхенбах и Р. Карнап; тем не менее он оказал значительное влияние на обсуждение проблем научного объяснения [12, р. 16–17]. Следует отметить значительное влияние философии К.Г. Гемпеля в англоязычном мире: в течение двух десятилетий в Принстоне гемпелианский подход доминировал в философии науки. Позиция К.Г. Гемпеля была направлена против базовых установок немецкой критической философии, провозгласившей разделение наук о природе и наук о культуре и в предметном, и в методологическом ключе [5, с. 269].

М. Салмон полагал, что гемпелианская теория объяснения в социальных науках является продолжением традиции Дж. Ст. Милля, утверждавшего, что объяснительные законы обладают эмпирическим содержанием. Соглашаясь с Дж. Ст. Миллем относительно того, что человеческие действия могут быть объяснены посредством обращения к таким причинам, как мотивы, убеждения, желания, К.Г. Гемпель говорил и о возможности «непричинных» законов объяснения [14, р. 385].

Работы К.Г. Гемпеля как философа и естественнонаучно ориентированного ученого, по мнению П. Горски, долгое время оставались не затронутыми историками, поскольку он не рассматривался как ученый, изучающий общество, или как человек, заинтересованный в исследовании истории как науки. Однако гемпелианские философские проблемы сопоставимы с социальными,

следовательно, теория К.Г. Гемпеля позволяет полностью пересмотреть подход к историческому исследованию [9, р. 7].

В 1948 г. К. Гемпель совместно с П. Оппенгеймом предложил строгий анализ научного объяснения на основе модели охватывающих законов (дедуктивно-номологической). «Согласно этой модели, событие объясняется, когда утверждение, описывающее это событие, дедуцируется из общих законов и утверждений, описывающих предшествующие условия; общий закон является объясняющим, если он дедуцируется из более исчерпывающего закона» [1, р. 7].

Рассуждая о генезисе подобной модели объяснения, К.Р. Поппер отмечал, что К.Г. Гемпель транслировал идею причинных объяснений на область истории, преобразовав ее. Следовательно, объяснение может быть названо историческим, если оно соответствует социологическим терминам или теориям [4]. Модель охватывающих законов акцентировала важнейший аспект научного объяснения – связь с законами науки. Объяснение состоит из двух главных частей – экспланандума и эксплананса. Под экспланандумом понимается предложение, описывающее объясняемое явление (но не само явление); под экспланансом – класс предложений, используемых для объяснения данного явления. Эксплананс разделяется на два подкласса: один из них включает определенные предложения C_1, C_2, \dots, C_n , описывающие специфические antecedentes условия; другой – множество предложений L_1, L_2, \dots, L_n , представляющих собой общие законы [1, с. 91]. Некоторое эмпирическое явление (конкретное событие) объясняется при помощи того, что экспланандум выводится дедуктивным путем из ряда других положений, и содержание экспланандума состоит в описании данного события [1, с. 72].

Класс законоподобных высказываний должен рассматриваться в качестве включающих как аналитические общие утверждения, такие как «роза есть роза», так и законоподобные утверждения эмпирической науки, т. е. утверждения универсальной и условной формы (такие как «все яйца малиновок имеют зеленовато-голубую окраску», «все металлы – проводники электричества») [1, с. 113–114].

Составные части объяснения должны отвечать ряду условий. Во-первых, экспланандум должен быть логическим следствием эксплананса. Во-вторых, эксплананс должен содержать общие законы, необходимые для выведения экспланандума. В-третьих, эксплананс обладает эмпирическим содержанием, т. е. проверяем. Общие законы при этом устанавливают общие связи между явлениями и способствуют логическому выводу. Экспланандум должен быть логическим следствием эксплананса. Как справедливо отмечает Ф. Китчер, принципиальными чертами гемпелианского объяснения являются положения:

- 1) все объяснения представляют собой аргументацию;
- 2) выводом из объяснения является высказывание, описывающее объясняемый феномен;
- 3) среди предпосылок объяснения должен быть по крайней мере один общий закон [11].

Общий закон в свою очередь представляет собой утверждение универсальной условной формы, способное быть подтвержденным или опровергнутым с помощью соответствующих эмпирических данных. Другими словами, в каждом случае, когда «событие определенного вида P имеет место в определенном месте и в определенный момент времени, событие определенного вида C будет иметь место в том месте и в тот момент времени, которое определенным образом связано с местом и временем появления первого события» [1, с. 16].

Особенность исторического объяснения: общие законы вследствие их обыденности и очевидности не формулируются в явном виде. Следовательно, объяснение в истории состоит в указании причин или детерминирующих факторов, хотя индивидуальное событие невозможно объяснить полностью с учетом всех характеристик, применяя универсальные гипотезы. Как указывал П. Рикер, К.Г. Гемпель категорически отказывался придавать любую реальную эпистемологическую ценность процедурам, опирающимся на эмпатию, понимание или интерпретацию, которые соотносятся с отличительными чертами исторического объекта [13, р. 114].

К.Г. Гемпель предпринял попытку сформулировать критическое описание деятельности историка из-за недостаточности теоретического обоснования исторических интерпретаций [2]. Цель историка, по его словам, состоит в детальном исследовании сущности конкретных событий прошлого, нежели чем в поиске общих законов, которые управляют этими событиями. Когда историк стремится выйти за пределы чистого описания и создает причинную связь между фактами прошлого, он использует некоторые общие законы (независимо от того, отдает ли он себе в этом отчет или нет). Следует отметить, что К.Г. Гемпель применяет термин «закон» в особом смысле. Закон из области истории не имеет никакого отношения к закону из области законодательства и не равноценен законам в биологии, химии или физике. Скорее, общий закон в истории – это высказывания универсальной формы условий, которые могут быть подтверждены с помощью соответствующих эмпирических исследований и лучше всего могут быть объяснены как высказывания, связывающие причину и прямо соотносимое с ней следствие [10, р. 41–41].

Общий закон является инструментом исторического исследования и основанием для различных процедур, специфических для социальных наук [1, с. 16]. Историческое объяснение ориентировано на то, чтобы продемонстрировать: рассматриваемое событие было не просто «делом случая», но ожидалось в силу определенных условий [1, с. 99]. В истории полное описание и объяснение являются недостижимыми, а решающим требованием для любого правильного объяснения остается то, что его экспланандум должен подводиться под общие законы.

По К.Г. Гемпелю, когда историки стремятся объяснить какие-то события, они предполагают существование общих законов. Причина отсутствия четкой формулировки общих законов в исторических объяснениях заключается в том, что эти законы слишком тривиальны и поэтому не заслуживают явного упоминания. Хотя К.Г. Гемпель относился нейтрально к вопросу о том,

существуют ли специфически исторические законы, М. Уайт отмечал, что историки применяют законы, созданные социально ориентированными учеными. По мнению П. Гардинера, историки используют обыденный язык, поэтому формулируют неустойчивые законы. У. Уолш призывал к компромиссу. По его мнению, историк осуществляет по крайней мере скрытую отсылку к общей истине в интерпретации исторических данных и эта истина проистекает из знания человеческой природы и здравого смысла.

Иногда универсальные гипотезы, лежащие в основе исторического объяснения, достаточно четко сформулированы, хотя большинство объяснений, предлагаемых в истории или социологии, не включают в себя утверждения об общих закономерностях по ряду причин. Во-первых, универсальные гипотезы часто относятся к области социальной психологии, которая принадлежит к повседневному опыту и является само собой разумеющейся. Во-вторых, «часто бывает очень трудно сформулировать лежащие в основе предположения явным образом с достаточной точностью и в то же время так, чтобы они согласовывались со всеми имеющимися соответствующими эмпирическими данными» [1, с. 23]. Такие термины, как «следовательно», «поэтому», «таким образом», «потому что», «естественно», «очевидно» являются указателями скрытых предположений, некоторых общих законов и используются для объединения исходных условий с объясняемым событием; «но утверждение о том, что последнее естественно ожидалось как следствие определенных условий, выводимо только в том случае, если предполагаются соответствующие общие законы» [1, с. 22]. Сходным образом использование понятий «детерминация» и «зависимость» в эмпирических науках, в том числе и в истории, включает ссылку на общие законы. Еще одной процедурой исторического исследования, включающей допущение универсальных гипотез, является процедура интерпретации исторических событий в терминах какого-то определенного подхода или теории. Интерпретации представляют собой или подведение изучаемых явлений под научное объяснение, или набросок объяснения, или попытку подогнать их под некоторую общую идею, недоступную эмпирической проверке [1, с. 28].

Многие из универсальных гипотез, лежащих в основе исторического объяснения, могут быть классифицированы как психологические, экономические, социологические и частично как исторические законы. Кроме того, историческое исследование часто использует общие законы, установленные в физике, химии и биологии. Так, например, объяснение поражения армии с помощью ссылки на отсутствие пищи, изменение погоды, болезни и тому подобное основано на неявном предположении о таких законах [1, с. 30].

Многие объяснения, предлагаемые в истории, содержат определенные исходные условия и вероятностные гипотезы. Специфической чертой истории является то, что в рассматриваемых «причинных» и «вероятностных» объяснениях применяемые исходные условия и универсальные гипотезы не указываются ясно и не могут быть точно дополнены. Тем самым объяснение исторических событий представляет собой «нечто, что может быть названо “наброском объяснения”» [1, с. 23], поскольку не могут быть установлены четко

определенные исходные условия. набросок объяснения состоит из указания законов и исходных условий и должен быть дополнен для того, чтобы стать законченным объяснением. Подобное дополнение требует эмпирического исследования, для которого набросок указывает направление.

Научно приемлемый набросок объяснения должен быть дополнен более конкретными утверждениями, которые могут подтвердить или опровергнуть его. Процесс дополнения заключается в постепенно расширяющемся уточнении используемых формулировок. При этом на любом этапе процесса формулировки должны обладать эмпирическим значением. Для проведения верификации исторического объяснения необходимо провести следующую процедуру: во-первых, реконструировать рассуждение, представляющее объяснение или набросок объяснения; во-вторых, выявить лежащие в его основе объяснительные гипотезы; в-третьих, оценить эмпирическую базу гипотез [1, с. 24–25].

Воззрения К.Г. Гемпеля оказали значительное влияние на философов и историков, явились причиной дебатов о природе и эпистемологических основах исторической работы. Сторонники модели охватывающих законов поддерживали позицию, основанную на принципе единства научного знания. В рамках этой модели подразумевается, что знание может быть объективно представлено по крайней мере в лингвистических границах, поэтому адаптировали научное определение знания для того, чтобы в рамках исторического исследования создавались истинные высказывания, дополненные применением логического подхода к наукам. М. Кохен высказал мнение, что в «своей самой строгой форме модель охватывающих законов подразумевает достаточные условия для возникновения события, так как все объяснения в истории являются дедуктивными» [7, р. 540].

К гемпелианской дедуктивной модели исторического объяснения исследования обращались такие исследователи, как А. Данто и М. Мандельбаум. Они отмечали ее ценность, не отвергая, по сути, эссенциалистское требование, что единственным объяснением является дедуктивно-номологическое. Теория К.Г. Гемпеля, по мнению А. Данто, является истинной: «Она просто перестала быть релевантной..., была смещена ... миром, которому она больше не соответствовала» [6, р. 84–85]. В более ранний период было важно показать непрерывность между историей и наукой, что делал К.Г. Гемпель; в более поздний период, что продемонстрировал Н.А. Кун, историческая сущность науки была настолько само собой разумеющейся, что модель охватывающих законов потеряла свою острую необходимость [6, р. 85].

Противники теории К.Г. Гемпеля (антигемпелианцы) представляют различные теоретические позиции и не обладают явным манифестом, который мог бы сыграть унифицирующую роль, подобную «Функциям общих законов в истории».

По мнению У. Дрея, большинство объяснений, предлагаемых в исторических исследованиях, не удовлетворяют требованиям теории К.Г. Гемпеля. Задача объяснения состоит в разрешении какого-то затруднения или в стремлении обнаружить информацию о том, как определенный

исторический деятель оценивал свое «объективное положение». Понимание действия возникает только при установлении разумности поступков данного человека в свете его собственных представлений и планов [3, с. 40–41].

По мнению ряда авторов, основными ошибками философии К.Г. Гемпеля являются феноменализм и субъективно-идеалистическое истолкование категорий, лежащих в основе научного объяснения. С логической стороны признается, что объяснить явление – значит раскрыть его причины или вывести из общего законы. Но сами категории причины трактуются не как выражение необходимой связи, объективно существующей между явлениями, а как простые логические конструкции. Другие исследователи отмечают механицизм и атомизм дедуктивно-номологической модели, согласно которому мир состоит из многочисленных событий и условий в их постоянной взаимосвязи друг с другом [8, р. 53].

Итак, дедуктивно-номологическая модель является значительным этапом в установлении основной области исследования аналитической философии истории. Стремясь обнаружить логическую структуру исторического объяснения, К.Г. Гемпель акцентировал внимание на анализе исследовательского процесса самого по себе, но в то же время практически не рассматривал проблемы сущности исторической истины. Несмотря на то, что многие выводы мыслителя были оспорены, его методология и аналитические способы разрешения проблем все еще обсуждаются.

Объяснение явления состоит в подведении его под законы или теорию. Общий закон в истории – это высказывания универсальной формы условий, которые могут быть подтверждены с помощью соответствующих эмпирических исследований и лучше всего могут быть объяснены как высказывание, связывающее причину и прямо соотносимое с ней следствие. Отсутствие сформулированных общих законов в истории объясняется тем, что они тривиальны и поэтому не заслуживают явного упоминания. Объяснение исторических событий представляет собой набросок объяснения, поскольку используемые исходные условия и универсальные гипотезы не указываются ясно и не могут быть точно дополнены. Кроме того, набросок объяснения не может быть подвергнут полной эмпирической проверке.

Библиографический список

1. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. 237 с.
2. Гемпель К.Г. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.history.knu.ua/wp-content/uploads/2015/10/hempel.pdf> (дата обращения: 05.03.2020).
3. Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории / под ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.
4. Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 185 с.
5. Чурсанова И.А. Модель рационального объяснения против номологической модели: постановка проблемы объективности исторического знания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/model->

- ratsionalnogo-obyasneniya-protiv-nomologicheskoy-modeli-postanovka-problemy-obektivnosti-istoricheskogo-znaniya (дата обращения: 02.01.2020).
6. Danto A.C. The decline and fall of the analytical philosophy of history // The New Philosophy of History / edited by F.R. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70–85.
 7. Dray W.H. Laws and Explanation in History. L.: University Press, 1957. 174 p.
 8. Gorman J. Understanding history: an introduction to analytical philosophy of history. Ottawa: University of Ottawa Press, 1992. 135 p.
 9. Gorski P.S. The poverty of deductivism: a constructive realist model of sociological Explanation [Electronic resource]. – Access mode: <https://www3.nd.edu/~csmith22/Gorski%20Poverty%20of%20Deductivism.pdf> (accessed: 03.04.2020).
 10. Jefferson J. Toward Laws in History: Carl G. Hempel and the Evidence Dilemma [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.nobleworld.biz/images/Jefferson.pdf> (accessed: 03.04.2020).
 11. Kitcher P. Explanatory unification and the causal structure of the world [Electronic resource]. – Access mode: http://mcps.umn.edu/philosophy/13_13Kitcher.pdf (accessed: 03.04.2020).
 12. Reck E.H. Hempel, Carnap, and the Covering Law Model [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.faculty.ucr.edu/~reck/Reck-H.,%20C.,%20and%20CL.pdf> (accessed: 21.03.2020).
 13. Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 1. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.al-edu.com/wp-content/uploads/2014/05/Paul-Ricoeur-Time-and-Narrative-vol1.pdf> (accessed: 28.02.2020).
 14. Salmon M.H. Explanation in the social science [Electronic resource]. – Access mode: http://mcps.umn.edu/philosophy/13_12MSalmon.pdf (accessed: 28.02.2020).

C.G. HEMPEL'S PHILOSOPHY: DEDUCTIVE-NOMOLOGICAL MODEL OF HISTORICAL EXPLANATION

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the deductive-nomological model of explanation, which emphasized the most important aspect of scientific explanation – the connection with scientific laws. It is demonstrated that the peculiarity of the historical explanation lies in the fact that general laws are not formulated in an explicit form due to their triviality and obviousness.

Keywords: *history, deductive-nomological model, explanation.*

Об авторе:

Потамская Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

Potamskaya Vera Pavlovna – PhD, Associate Professor of Department of Media Technologies and Public Relations of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 1 (091)

Н.И. КАРЕЕВ ОБ ОБЩЕГУМАНИТАРНОМ ХАРАКТЕРЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф. ШЕЛЛИНГА

Н.А. Соболева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Соболева Н.А., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-20-26

Показано, что представитель русской позитивистской философии истории Н.И. Кареев оставил после себя огромный массив историософских обзоров, важных для перманентного постижения сути всемирной истории. Сделан вывод, что Н.И. Кареев как мыслитель, стоящий на платформе многофакторного анализа, оказался способным увидеть положительный потенциал самых разных концепций всемирной истории. В частности, в метафизическом наследии Ф. Шеллинга Н.И. Кареев обнаружил идеи, способные объединить, казалось бы, несхожие трактовки всемирной истории. В качестве таковых Н.И. Кареев особо выделяет две идеи немецкого мыслителя: первая – слияние противоположных по своим основаниям культур способно дать начало новому образованию и побудить к культурному диалогу; вторая – всемирная история есть дуальность и взаимозависимость культур Запада и Востока.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, философия истории, Ф. Шеллинг, всемирная история.

Николай Иванович Кареев – русский историк, философ и социолог рубежа XIX–XX столетий – оставил значимое историософское наследие. В частности, он внес существенный вклад в накопление историографического потенциала философии истории. Обращаясь к западноевропейскому философскому наследию, Н.И. Кареев уделяет особое внимание трудам Ф. Шеллинга.

Оценка Н.И. Кареевым трудов Ф. Шеллинга уже не раз осуществлялась отечественными исследователями. Например, Е.Е. Михайлова писала о влиянии Ф. Шеллинга на формирование дилеммы всемирной истории и философии истории [6]; Е.С. Косарская обращалась к трудам немецкого философа в связи с вопросом о типологиях социокультурного развития, существующих у русских позитивистов [5] и т. д. В данной статье делается попытка проанализировать оценку Кареевым историософских взглядов Шеллинга в контексте диалога культур Запада и Востока. Оценка Н.И. Кареевым историософских взглядов Ф. Шеллинга отражена в следующих работах: «Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох» [2], «Историология» [1], «Основные вопросы философии истории» [3], «Теория исторического процесса» [4]. Изучение работ русского ученого-историка показало, что философ анализирует историософское наследие Ф. Шеллинга по трем ключевым вопросам: взгляды философа на причины появления мультикультурного мира; поиск этапов его развития; обращение к

проблематике взаимодействия противоположностей при характеристике поступательного развития человечества.

Взгляды Ф. Шеллинга на причины появления мультикультурного мира решаются в целом в метафизическом ключе на основе христианской исторической парадигмы. Отмечая сущностное историческое единство человечества на базе единой монотеистической прарелигии, общей культуры и языка, философ возводит человечество к единому роду. В дальнейшем это единство разрушается во время вавилонского столпотворения, породившего смешение языков. Затем появляются различные народы и происходит переход сначала к дитеизму, а впоследствии к политеизму [7, т. 2, с. 272]. Именно политеизм, как отмечает Ф. Шеллинг, стал средством, разделившим некогда единое человечество: «Итак, политеизм – вот разлагающее средство, которое попало внутрь гомогенного человечества. Различные, расходящиеся между собой, впоследствии даже исключают друг друга учения о Богах – вот безотказное орудие разделения народов» [7, т. 2, с. 247].

Политеизм, по мнению Ф. Шеллинга, дает большую свободу человеческого сознания, однако приводит к потоку, упомянутому в Библии. Одни народы сохраняют память о единстве и культурные достижения человечества (к таким народам он относит евреев), другие погружаются в дикое состояние, почти полностью утрачивают былой культурный уровень [7, т. 2, с. 298]. Этим обстоятельством Ф. Шеллинг пытается обосновать так называемую историческую избранность отдельных народов и их неравноценность.

Процесс разъединения народов, как считает Ф. Шеллинг, приводит к негативным последствиям. Так, продолжительное локальное проживание ряда представителей человеческого рода приводит к проблемам в их взаимодействии с другими группами людей: «Если возобновляемое на короткое время сосуществование отвыкших друг от друга человеческих родов уже вызывает болезни, то точно таким же образом различия физической конституции, антипатии, постепенно развивающиеся, возбуждаемые этим, или даже настоящие болезни могли быть причиной обоюдного, быть может, даже инстинктивного разобщения человеческих пород, какие не могли уже больше ужиться друг с другом» [7, т. 2, с. 240]. Причем главенствующую роль в этой «несовместимости» он отводит духовным и нравственным факторам: «Народы разделены не просто пространственно и внешне, и точно так же не просто разобщены природными различиями...: они духовно и внутренне исключают друг друга» [7, т. 2, с. 243]. Разобщенность народов – это процесс, который идет в одном направлении, в другом же – «непреодолимая сила удерживает их вместе» [7, т. 2, с. 243].

Проблемы полярности мира и взаимоотношений западного и восточного типов культур, противоположных по сути, на наш взгляд, является центральной осью философской системы Ф. Шеллинга. Она обнаруживается во взглядах ученого на природу, общественное развитие, философию искусства.

Особняком в религиозном наследии человечества, считает немецкий философ, стоит ислам, который Ф. Шеллинг связывает с древнейшей религией неразделенного человечества. Именно могучие истоки этого человечества

помогли мусульманам так успешно «побеждать и покорять». Против «мнимого многобожия христианства... Мухаммед противопоставил косного, неподвижного Бога праистории» [7, с. 300]. Таким образом, религия, по мнению философа, является критерием разделения мира на отдельные части, в том числе на Восток и на Запад, а одной из форм взаимодействия этих миров является конфликт. Н.И. Кареев считает, что ответ Ф. Шеллинга на вопрос по поводу причин появления мультикультурного мира имеет ненаучный характер. Он называет немецкого философа «мистически настроенным человеком», в системе которого религия объявляется сущностью истории и философия истории таким образом сводится к истории религии [3, с. 165].

Проблема направления исторического развития человечества также находит отражение на страницах работ Ф. Шеллинга. Немецкий философ воспринимает историческое развитие человечества как бесконечный прогресс [7, т. 1, с. 455]. Критерием прогресса он называет постепенную реализацию правового устройства человечества, ведь именно оно «является условием свободы, так как без него свобода гарантирована быть не может» [7, т. 1, с. 456]. Однако Н.И. Кареев критикует эти идеи Ф. Шеллинга и отмечает их «фиктивный» характер: «Нам уже известно, что на вопрос этот давались разные ответы, и это объясняется либо тем, что ему приписывали либо фиктивное содержание, либо тем, что за целое принимали только одну его часть, одну сторону: пример первого представляет Шеллинг, пример второго – Конт, со своим основным законом» [3, с. 97].

Размышляя об историческом процессе, Ф. Шеллинг также высказывает идею, которая содержится в философии истории Г. Гегеля, а именно о последовательном вступлении в свое время на мировую сцену отдельных народов. Однако он не заключает эту мысль в целостную концепцию, подобную гегелевскому «мировому духу», и объясняет ход исторического процесса «игрой» свободы и необходимости [7, т. 1, с. 451]. Далее Ф. Шеллинг отмечает, что «каждый индивидуум должен вступать именно там, где остановился предшествующий, чтобы в последовательности индивидуумов не было перерыва, и если то, что должно быть реализовано в историческом процессе, может быть реализовано лишь посредством разума и свободы, то должны быть возможны также традиция и передача достигнутого» [7, т. 1, с. 452].

Немецкий философ стремится выстроить историю человечества как единый процесс, линия развития которого определяется христианской концепцией. Он предлагает делить историю на три периода, отмечая, что «основание для этого деления дают нам две противоположности – судьба и провидение, между которыми находится природа, совершающая переход от одного к другому» [7, т. 1, с. 465]. К первому периоду (трагическому, как его называет Ф. Шеллинг), относятся великие империи древнего мира, в том числе и древнегреческая культура. Второй период момента начинается с расширения границ Римской республики и продолжается до падения Римской империи. Он характеризуется философом как результат действия законов природы: «С этого времени разнузданнейший произвол, который выражался во всеобщей жажде завоеваний и угнетения, впервые объединив народы и приведя в

соприкосновение все то, что до того существовало обособленно в области нравов, законов, искусства и науки, вынужден был бессознательно и даже против своего желания служить выполнению плана природы, который в полном своем раскрытии должен завершиться созданием всеобщего союза народов и всемирного государства» [7, т. 1, с. 466].

Ф. Шеллинг приводит яркое описание гибели старого политеистического Западного мира, последней точкой которого стала Римская империя. Он описывает то чувство одиночества, оторванности от природы, покинутости и неопределенности, которое охватило целое поколение людей прежде, чем появился мир новый – христианский: «Новый мир начинается с того, что человек отрывается от природы, но, так как он еще не знает другой родины, он чувствует себя покинутым. Где подобное чувство охватывает целое поколение, там оно либо добровольно, либо, понуждаемое внутренним влечением, обращается к идеальному миру, чтобы его сделать своей родиной. Таким чувством был охвачен мир, когда возникло христианство» [8, с. 127]. Именно с момента падения римского государства начинается, по мнению Ф. Шеллинга, всеобщая история. Размышляя об историческом пути христианства, он противопоставляет высокий духовный потенциал и идеальные искания Востока с «бесплотной почвой» Запада: «Необходимо было, чтобы восточные идеи были пересажены на западную почву. Правда, эта почва сама по себе была бесплодна, идеальный принцип должен был прийти с Востока, но и он сам по себе был, как в других восточных религиях, чистым светом, чистым эфиром, без образа и даже без окраски» [8, с. 126]. Однако философ подчеркивает их единство и зависимость друг от друга: «Только в соединении с крайней своей противоположностью он мог зажечь жизнь. Лишь там, где соприкасаются совершенно разнородные элементы, образуется хаотическая материя, которая есть начало всякой жизни» [8, с. 126]. Рассматривая символическое значение человеческой фигуры, Ф. Шеллинг отмечает, что симметрия выражает собой «уничтожение» полярности Востока и Запада, однако где она отсутствует, там сильнее проявляется противопоставление [8, с. 310].

Н.И. Кареев видит в теории немецкого философа рациональное зерно и также делит историю на два этапа (локальный и глобальный), однако четко их не разделяет. Первый этап русский философ связывает с начальной стадией развития человечества, а второй проявляется постепенно у разных народов на определенных этапах их исторического развития. В дальнейшем эти народы начинают жить «двойною жизнью»: «Жизнью своею собственною, местною и особою, и жизнью общею, универсальною» [2, с. 6]. Каждый народ, по мнению исследователя, в свое время вступает на путь глобальной истории, однако локальный этап не заканчивается на этом, а продолжается как развитие собственной самобытной культуры. В связи с тем, что государства Древнего Востока начали свое активное историческое развитие первыми, то именно они и стоят, по мнению Н.И. Кареева, у истоков начала общей истории человечества, т. е. именно Восток начал объединяться первым в ходе активного взаимодействия его частей, хотя «оно выражалось сначала главным образом в военных предприятиях и опустошительных нашествиях» [2, с. 6]. Философ предлагает считать началом этого процесса завоевательные походы

египетского фараона Тутмеса I: «Один из первых египетских фараонов XVIII династии, вступление которой относят за семнадцать веков до Р. Х., именно Тутмес I, предпринял завоевание Сирии и дошел до Месопотамии» [2, с. 27]. Процесс объединения народов Востока и Запада приобретает масштабный характер, по мысли Н.И. Кареева, с началом завоеваний Римской империи, так формируется единый исторический мир: «Греческая культура и римская государственность объединили в один исторический мир целый ряд стран вокруг Средиземного моря, завершив процесс, начатый финикийскими мореплавателями и царями-завоевателями Востока. Христианство дало этому миру религиозное единство, к которому (а вместе с тем и к наследию античной цивилизации) примкнули более новые европейские народы, впоследствии колонизовавшие и подчинившие себе другие страны света» [4, с. 231–232]. С этого момента, по мнению Н.И. Кареева, начинается объединение человечества вокруг двух крупных центров – Европы как наследницы греко-римского, а также христианского, европейского объединения. Параллельно шло другое объединение – магометанское (в Азии и Африке), которое было многим обязано заимствованиям из греческой и древневосточной культур. Н.И. Кареев отмечает, что «историческое взаимодействие двух миров, европейско-христианского и азиатско-магометанского, тоже представляет собой важное явление в истории Старого Света» [4, с. 232]. Здесь мы видим, как взгляды Ф. Шеллинга на локальный и глобальный этапы развития человечества получают свое развитие в трудах Н.И. Кареева. Русский ученый, признавая концепцию биполярного деления мира на западный и восточный культурный тип, рассматривает их взаимодействие в позитивном ключе.

Размышляя о будущем человечестве, Ф. Шеллинг делает следующий социальный прогноз: мир ждет объединение в «государство государств» и создание наднациональных глобальных политических институтов: «Отдельные государства будут входить в государство государств, и для устранения столкновений между народами будет действовать общий ареопаг народов, состоящий из представителей всех культурных наций, в распоряжении которого против каждого отдельного восставшего государственного индивидуума будет совместная мощь всех остальных государств» [7, т. 1, с. 451]. Таким образом, первоначальное единство человечества, утраченное в процессе исторического развития, будет восстановлено. Интересно, что в размышлениях немецкого философа усматривается прообраз Европейского союза, который объединил ряд западных европейских государств. В этой связи становится очевидным, что Ф. Шеллинг предопределял для человечества более глобальное единство, предполагающее объединение, в том числе западных и восточных народов, для решения стоящих перед ними задач.

Третий период в конструкции Ф. Шеллинга связан с действием провидения в историческом пути человечества. Его начало невозможно предсказать, отмечает философ, но это будет то время, когда «придет Бог» [7, т. 1 с. 466].

Таким образом, концепция провиденциалиста Ф. Шеллинга о трех периодах исторического развития человечества в целом не может быть близка позитивисту Н.И. Карееву, однако отдельные ее положения находят отклик во взглядах философа. Принимая идею прогресса за основное направление исторического процесса, Н.И. Кареев критикует «фиктивное», по его словам, ее содержание во взглядах Ф. Шеллинга. Проблема единства всего сущего, в котором закономерно обнаруживаются дихотомии (подобные паре Запад – Восток), на наш взгляд, является одной из центральных осей философской системы немецкого ученого. В природе, по мнению Ф. Шеллинга, уже обнаруживается «всеобщая двойственность», которая предполагает наличие внутренних противоположностей и их взаимодействие. К ним относятся такие противоречия, как материальное и духовное, объект и субъект и т. п. Эти пары взаимно противоположны, но в совокупности образуют неразрывное единство. В частности, природа является великим организмом, где противоположности сливаются в единое целое. Ф. Шеллинг считает, что развитие человечества тоже связано с законами природы. Он видит в дуализме Запада и Востока определенную природную симметрию, которая уравнивает две примерно одинаковые части. В целом Ф. Шеллинг видит глубокую противоположность Запада и Востока, взаимодействие которых способно дать начало новой культуре. Эти взгляды немецкого философа близки Н.И. Карееву и получают свое развитие в его трудах.

Библиографический список

1. Кареев Н.И. *Историология: теория исторического процесса*. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 328 с.
2. Кареев Н.И. *Общий ход всемирной истории (Очерки главнейших исторических эпох)*. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 304 с.
3. Кареев Н.И. *Основные вопросы философии истории*. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 468 с.
4. Кареев Н.И. *Теория исторического знания*. М.: КРАСАНД, 2020. 326 с.
5. Косарская Е.С. *Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03*. М., 2016. 187 с.
6. Михайлова Е.Е. *Проблема социокультурного развития в российской позитивистской философии истории второй половины XIX – начала XX века: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03*. Тверь, 2004. 335 с.
7. Шеллинг Ф. *Система трансцендентального идеализма // Сочинения: в 2 т. / сост. А.В. Гулыга*. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–490.
8. Шеллинг Ф. *Философия искусства*. М.: Мысль, 1966. 496 с.

N.I. KAREEV ON THE GENERAL HUMANITARIAN CHARACTER OF F. SCHELLING'S PHILOSOPHY OF HISTORY

N.A. Soboleva

It is shown that the representative of the Russian positivist philosophy of history N.I. Kareev left behind a huge array of historiosophical reviews that are important for permanent understanding of the essence of world history. It is concluded that N.I. Kareev, as a thinker who stands on the platform of multi-factor analysis, was able to see the positive potential of various concepts of world history. In particular, in the metaphysical legacy of F. Schelling, N.I. Kareev found ideas that could unite seemingly dissimilar interpretations of world history. As such, N.I. Kareev highlights two ideas of the German thinker. The first idea: the merging of cultures that are opposite in their foundations can give rise to a new education and encourage a cultural dialogue. The second one: the world history is the duality and interdependence of the cultures of the West and the East.

Keywords: *N.I. Kareev, philosophy of history, F. Schelling, global history.*

Об авторе:

Соболева Надежда Александровна – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: n-a-soboleva@mail.ru

Author information:

Soboleva Nadezhda Aleksandrovna – Senior Lecturer of Department of Sociology and Social Technologies, PhD student of Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: n-a-soboleva@mail.ru

УДК 321:316.3

СТРАХ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

О.И. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Туманова О.И., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-27-31

В статье проанализированы возможности использования страха как эффективного инструмента в сфере политики. Рассматриваются возможности использования страха как инструмента принуждения, который на протяжении истории человечества активно применяется властью с целью обеспечения своих интересов. Кроме того, обозначена вероятность применения страха для повышения внимания к ценностям, нормам и принципам, важным для развития общества. Объекты страха также могут быть использованы для формирования внутренней и внешней политики государства.

Ключевые слова: *страх, общество, власть, политический страх, политика, государство.*

Страх представляет собой естественную человеческую эмоцию, которая, по мнению русского философа Н.А. Бердяева, «лежит в основе жизни этого мира» [1, с. 78]. Состояние страха возникает в случае угрозы существования человека в окружающем мире (все равно, идет ли речь о личном или общественном пространстве, социальной или политической сфере). По мнению исследователей, эмоция страха насыщает человеческий опыт, потому что «как никакая другая эмоция, он ускоряет наше восприятие, заставляя видеть и действовать по-новому, нестандартно, более избирательно, с обостренным осознанием нас самих и нашего окружения» [2, с. 12].

Страх чаще всего воспринимается как эмоция, которая носит негативный характер. Однако подобная характеристика не мешает использовать его в качестве эффективного инструмента, способного оказывать сильное влияние на человека и общество. Страх можно представить как определенный набор представлений о добре, зле, границах морали и нормах поведения. То, что изначально вызывало в человеке чувство страха, превратилось в мораль, а позднее трансформировалось в политику. Поэтому страх на протяжении истории человечества активно используется в сфере политики в качестве инструмента управления и развития.

Власть как базовая категория политики не может существовать без страха, поскольку он составляет ее фундаментальную основу. По мнению Н.А. Бердяева, «во всякий авторитет входит элемент страха» [1, с. 82–83]. Использование страха властью для реализации своих интересов представляет собой естественный процесс, поскольку именно на страхе основывается человеческое общество. Кроме того, Н.А. Бердяев отмечает, что человеческое общество «было построено на лжи, ибо страх порождает ложь. Есть боязнь, что правда уменьшит страх и помешает управлять людьми. Чистая правда могла бы привести к падению царств и цивилизаций» [2, с. 82]. Однако, используя страх в качестве инструмента управления обществом, не следует забывать, что он исторически

связан «не только с ложью, но и с жестокостью. Жестокими делаются не только те, которых страшатся, но и те, которые страшатся. Не только массами управляют через страх, но и сами массы управляют через страх» [1, с. 83]. Таким образом, страх приобретает тотальный характер для общества.

Власть, применяя страх в качестве инструмента для достижения своих целей, не должна забывать, что в случае злоупотребления ресурсом устрашения создаются все предпосылки для установления тоталитарного политического режима, а также для распространения террора в государстве. Н.А. Бердяев отмечает, что порождением страха является «неисчислимое количество насилий и жестокостей в человеческой жизни» [1, с. 79]. При этом террор, по его мнению, «есть страх не только тех, на кого он направлен, но и тех, кто его практикует» [1, с. 79]. Таким образом, избыточное использование страха в процессе управления способно не только нанести вред развитию общества, но и создать проблемы для самой властной структуры. Страх является тем инструментом, работа с которым требует не только особого внимания, но и тщательного планирования возможных последствий.

Философские рассуждения Н.А. Бердяева об использовании властью страха находят свое отражение и в рассуждениях американского политолога К. Робина. В своем исследовании он подтверждает, что идея применения политического страха в качестве инструмента «элитного правления или мятежного движения, созданного и поддерживаемого политическими лидерами и активистами, готовыми на нем заработать» [2, с. 27]. Кроме того, страх «помогает им достичь определенной политической цели, ... он отражает или поддерживает их моральные и политические убеждения» [2, с. 27]. Здесь следует отметить, что К. Робин в качестве политического страха определяет «переживание людьми возможности определенного ущерба их коллективному благополучию ... или же запугивание людей властями либо отдельными группами» [2, с. 10]. Таким образом, страх приобретает политическую природу либо в силу того, что он возникает в обществе, либо в силу наличия последствий для общества.

Использование политического страха позволяет реализовывать широкий спектр политических действий, а именно определение векторов общественной политики, изменение нормативной базы, работу с группами влияния и лидерами общественного мнения, допуск в политику новых личностей. Очевидно, что указанные возможности достаточно обширны и свидетельствуют о крайней эффективности страха в качестве инструмента управления.

Использование чувства страха, кроме внедрения рассмотренных политических изменений, позволяет проводить определенные преобразования в общественной сфере. В частности, речь может идти о его применении как инструмента, способного акцентировать внимание граждан на определенных ценностях, важных для общественно-политического развития. Угроза развязывания гражданской войны формирует потребность в обеспечении правопорядка и необходимости соблюдения баланса интересов, страх укоренения тоталитарного политического режима вызывает потребность в поддержке демократических ценностей, а опасность господства фундаментализма способствует развитию политической терпимости и

плюрализма. Таким образом, страх может быть использован в качестве инструмента формирования определенной системы ценностей, морали и политических норм, необходимых для эффективного развития гражданского общества. По мнению К. Робина, политический страх способен «вызывать духовное пробуждение» [2, с. 13], что приобретает особую важность при отсутствии сформированной системы общественно-политических ценностей или сильной вертикали власти. Поскольку в повседневной жизни граждане часто не уделяют должного внимания политическим событиям и процессам, именно происходящие политические катастрофы вынуждают «общество открывать политические идеалы и следовать им, что при менее угрожающих обстоятельствах могло бы просто наскучить» [2, с. 14]. В этом отчасти можно увидеть и положительный аспект для становления общества.

Политика весьма эффективно использует страх как инструмент, с помощью которого можно определять и регулировать внутри- и внешнеполитическую обстановку, в частности источники возможных угроз национальной безопасности. Прямые или опосредованные возможности нанесения ущерба интересам граждан или государства могут быть зафиксированы в официальных документах, например угрозы гражданам, суверенитету и государственной целостности государства, прописанные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [3]. Определение мероприятий, направленных на защиту национальных интересов, создает условия для формирования политической повестки деятельности соответствующих государственных институтов. Страх перед обозначенными угрозами и выработка методов противостояния могут рассматриваться в качестве своеобразного способа общественной мобилизации. Такая опасность, как «война или восстание, требует, чтобы общество определило или подтвердило свои убеждения для мобилизации перед лицом угрозы во имя политических ценностей» [2, с. 13]. Таким образом, установление конкретных объектов страха становится важным не только для формирования актуальной политической повестки, но и для акцентирования внимания на конкретных угрозах, представляющих опасность для государства. К. Робин отмечает, что при «выборе, толковании и реагировании на эти объекты страха лидеры руководствуются своими идеологическими представлениями и стратегическими целями» [2, с. 27–28]. В данном случае речь идет о коллективном страхе «удаленных опасностей или таких объектов, как внешний враг, отделенный от коллектива» [2, с. 30].

В то же время страх может носить крайне личный характер и возникать в результате процессов, протекающих внутри общества. Речь может идти о неравном распределении материальных благ и властных ресурсов или о статусных различиях. Здесь страх может применяться как инструмент, с помощью которого создают атмосферу устрашения внутри государства, формируют условия для введения санкций или контрсанкций, обострения противостояния групп влияния в борьбе за власть. В этом случае страх выступает в роли своеобразного средства социального и политического контроля.

К. Робин в качестве политического страха, наиболее структурирующего жизнь и определяющего границы человеческих возможностей, называет страх

«менее сильных перед более сильными, будь то должностные лица или частные служащие, далекие агенты государства или местные, традиционные элиты» [2, с. 32]. Здесь страх предоставляет определенную свободу действий для власти, выступая «гарантом того, что безвластные будут считаться с высказанными или подразумеваемыми желаниями их начальства либо просто не делать ничего для противостояния или подрыва существующей системы распределения власти» [2, с. 32]. При таком подходе страх дает представителям власти возможность реализовывать собственные цели и гарантирует «им, что они смогут пользоваться своим положением еще некоторое время» [2, с. 32].

Еще один пример использования страха в интересах политики – действия, которые направлены на усиление репрессивного характера социального порядка, а также на создание и поддержание социального неравенства. Разделение общества на основе несправедливости и иерархий создает благоприятные условия для реализации необходимой государственной политики, а также для принятия решений, выгодных властной вертикали. Кроме того, поддержание определенного уровня социального напряжения, которое обеспечивается мерами устрашения, представляет собой удобный механизм, позволяющий сохранять контроль над обществом. Страх в этом случае можно представить в качестве продукта «заговора, предполагающего интенсивные усилия участников, сотрудничество жертв и содействие со стороны наблюдателей, которые не предпринимают ничего, чтобы противостоять репрессивному давлению страха» [2, с. 195].

Применение страха как инструмента в политике многогранно и неоднозначно. Его потенциал, выражающийся, например, в возможности концентрировать внимание общества на четко выделенных угрозах, установлении характера реакций на данные угрозы или в обновлении системы политических норм и ценностей, делает страх мощным и желанным ресурсом для сил, вовлеченных в сферу политики. Желание обладать данным ресурсом, в свою очередь, порождает борьбу между различными группами, что усиливает атмосферу напряженности в социуме. Не следует забывать, что использование возможности устрашения предполагает не только постоянный контроль над процессом распространения чувства опасности, страха и тревоги, но и тщательный анализ последствий, которые могут возникнуть в итоге.

Страх делает общество управляемым. Желание избежать потерь в общественной, политической или экономической сфере делает граждан не только внушаемыми, но и открытыми для любых предлагаемых изменений. В целом атмосфера страха негативно сказывается на общественном развитии, однако следует признать, что использование его в политических целях неизбежно. Важно помнить, что избыточное устрашение граждан в конечном счете не приведет к выстраиванию эффективного взаимодействия власти и общества. Поэтому политикам следует помнить, что страх всегда действует разрушительно и «самые страшные люди – это люди, одержимые страхом» [1, с. 79].

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Paris: YMCA-press, 1952. 246 с.
2. Робин К. Страх. История политической идеи / пер. с англ. А. Георгиева, М. Рудакова. М.: Прогресс-традиция; Территория будущего, 2007. 368 с.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Источник: http://base.garant.ru/71296054/#block_1000 (дата обращения: 09.10.2020).

FEAR AS A POLICY TOOL

O.I. Tumanova

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the possibilities of using fear as an effective tool in politics. Possibilities of using fear as an instrument of coercion, which throughout the history of mankind is actively used by the authorities to secure their interests, are considered. In addition, the possibility of using fear to increase attention to values, norms and principles important for the development of society is outlined. The objects of fear can also be used to form the internal and foreign policy of the state.

Keywords: *fear, society, power, political fear, politics, state.*

Об авторе:

Туманова Ольга Игоревна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: maks69@bk.ru

Author information:

Tumanova Olga Igorevna – PhD (Social Sciences), Associate Professor of Department of Sociology and Social Technologies of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: maks69@bk.ru

УДК 167.7

КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ*

А.В. Маякова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

© Маякова А.В., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-32-38

Рассмотрены классификации социокультурных рисков. Подчеркнуто, что разработка классификации социокультурных рисков – одна из актуальных задач современной философии и науки. Решение данной задачи возможно только на базе принципа всесторонности, который позволит изучить научную проблему с разных сторон, принципа комплексности, в рамках которого научная проблема исследуется с помощью различных междисциплинарных подходов как единое целое, принципа системности, с помощью которого можно проследить структурные элементы и оценить проблему как целостную систему взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Представлена авторская таблица классификаций социокультурных рисков в рамках трансдисциплинарной модели управления социокультурными рисками, составленная на основе предшествующих исследований автора, а также работ различных ученых и специалистов: экономистов (И.Б. Батовой, Р.А. Фатхутдинова, С.З. Семерник); социологов (О.А. Гримова, Е.Г. Каменского, Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой); технической сферы (С.В. Ходыревской, В.Г. Халина, Г.В. Черновой); психологов (А.М. Молокостовой) и др.

Ключевые слова: *риск, социокультурный риск, кризис, классификация.*

В рамках технических наук существует укрупненное ранжирование рисков (реальные, потенциальные и непредвиденные, т. е. форс-мажор) [11]. Возникновение реального риска влечет за собой создание некоторых корректирующих мероприятий, устраняющих или минимизирующих риск, после чего разрабатывается система мер по предупреждению риска. Потенциальный риск – это риск, отсутствующий в данный момент времени, но просчитанный, планируемый, прогнозируемый. Форс-мажор – риск, который не планируется и не прогнозируется в рамках какой-либо деятельности.

Основным отличием социокультурных рисков является отсутствие риска типа форс-мажор, соответственно, социокультурные риски делятся на два вида – реальный и потенциальный.

Потенциальные социокультурные риски – это риски, которые не могут быть спланированы, рассчитаны и даже представлены, поскольку отсутствуют научные данные о причинах их появления и их описание. Следовательно, оценка социокультурных рисков – это учет всех возможных вариантов развития события (как положительных, так и отрицательных), т. е. разработки, внедрения, использования технологии. В общем смысле потенциальный социокультурный

* Публикация подготовлена при поддержке Гранта Президента РФ МК-240.2019.6 «Трансдисциплинарная модель управления социокультурными рисками».

риск – это любой возможный риск с минимальной вероятностью возникновения (в том числе равной нулю).

Приведенное выше определение потенциального социокультурного риска применимо в сфере конвергентных технологий, что объясняется повышенной неопределенностью социогуманитарных перспектив разработки и использования указанных технологий. Эта неопределенность проистекает из того, что, с одной стороны, технология может использоваться во благо, приносить положительный эффект, с другой – служить неблагородной, разрушительной цели. Риск является потенциальным, если предположить, в какой сфере найдет применение полезная разработка, оказывается невозможно. Если же такое предположение существует, риск перестает быть потенциальным и приобретает статус реального с низкой или средней вероятностью возникновения и высокой степенью влияния (вплоть до возникновения катастрофы). Примеры реальных рисков высокой степени влияния – появление новых качеств и свойств у известных веществ; создание искусственных материалов (порождает беспокойство о том, как существующие экосистемы будут с ними взаимодействовать, как человек сумеет к ним приспособиться).

Автор этой статьи предлагает классифицировать риски в зависимости от степени влияния и вероятности возникновения рисков. Данные признаки классификации также выступают в качестве критериев оценки риска при проведении анализа рисков с помощью методологии риск-менеджмента. По первому признаку предлагаем различать риски с низкой, средней, высокой, катастрофической степенью влияния. По второму признаку следует различать риски с малой, средней, высокой вероятностью возникновения. В целях более точного распределения социокультурных рисков по указанным признакам целесообразно применять методики SWOT-анализа и FMECA-анализа [9; 10].

Самый главный критерий классификации рисков – их содержание. На базе социологического исследования Е.Б. Шестопаля и А.В. Селезневой [12], а также подробного анализа предыдущих исследований в сфере управления рисками были установлены следующие глобальные угрозы:

- 1) цифровизация;
- 2) вестернизация;
- 3) массовизация;
- 4) технологизация;
- 5) виртуализация культуры;
- 6) морально-нравственный кризис;
- 7) деформация каналов и механизмов трансляции духовного наследия.

В качестве причин вышеназванных рисков можно назвать социальные расколы; неравенство; кризис идентичности; структурный дисбаланс в профессиональных, этнических и иных социальных группах; психологические дисфункции общества; аномию; дефицит солидарности; неудовлетворенные потребности в безопасности; неудовлетворенный запрос на социальную справедливость; состояние неуверенности в завтрашнем дне и отсутствие долгосрочных перспектив [2; 3]. Влияние перечисленных рисков на качество жизни очень велико, что подтверждается проведенным автором анализом этих рисков [4]. Отметим, что все риски могут быть минимизированы, но устранить

их вовсе невозможно из-за больших масштабов. В целях минимизации для каждого из рисков предложены мероприятия, которые можно и необходимо применять. На сегодняшний день в России разработан ряд документов и поддержан ряд инициатив, способствующих уменьшению социокультурных рисков. Главное условие эффективности этих документов и инициатив – системность.

Рассмотрев содержание риска, можно увидеть, что еще одним основанием для классификации рисков может быть причина (источник) возникновения. Чаще всего встречаются антропологическая, экономическая и технологическая причины. Особо следует выделить природный фактор, к которому можно отнести землетрясение, наводнение, критические метеоусловия и др. Естественно, чаще всего риск возникает по нескольким причинам, поэтому необходимо прописывать в классификации «смешанный» источник риска.

Следует также ввести в общую классификацию признак «направление риска». Каждое из направлений отражает не только социокультурный аспект, но и направление философии и науки, что является применимым в данном дискурсе. Итак, в зависимости от направления риск бывает следующих видов:

- 1) этический;
- 2) правовой;
- 3) экономический (технологический);
- 4) культурный (в том числе эстетический);
- 5) психологический;
- 6) экологический;
- 7) социальный;
- 8) гибридный (подразумевает сочетание нескольких видов риска).

Рассмотрим риск «морально-нравственный кризис», который оказывает огромное негативное влияние на человека и общество в целом. Его содержание и результаты появления: снижение моральных стандартов и общего культурного уровня общества; дегуманизация всех видов человеческой жизни; развитие деструктивных социально-культурных явлений; массовое разрастание деструктивных и противоправных форм поведения; снижение общего уровня законности и правопорядка, стабильности и безопасности в стране и др. Как мы видим, данный риск нельзя отнести к какому-либо одному направлению. Следовательно, данный риск является гибридным и в его рамках сосуществуют различные направления: этическое, правовое, культурное, психологическое, социальное.

Одной из важных характеристик риска является назначение (его функция). То или иное событие, действие, технология, особенно инновационная, априори подразумевает риск. Соответственно, риск не всегда может быть отрицательным, поскольку событие может дать положительный эффект, т. е. выгоду. Данная концепция заимствована из методологии антикризисного управления, когда риск может рассматриваться в хорошем ключе [7]. Особенно ярко данный вид риска проявляется при модернизации. Преобразование чего-либо (системы, технологии, разработки) невозможно без неких рисков, однако положительный эффект от модернизации может превзойти все ожидания. Например, в рамках риска «Виртуализация культуры» присутствует угроза снижения

коммуникативных навыков (иными словами, «остановка во взаимном общении»), однако данная угроза может способствовать развитию новых способов и видов речевого взаимодействия. Поскольку существует риск, приносящий выгоду, идентифицируется противоположный по сути риск – риск, предусматривающий потери (наиболее распространенный вид риска).

Проблема рисков значима для всего социального устройства, любой его структуры. Следовательно, целесообразно введение такого признака, как уровень риска [1]. Определим следующие уровни риска:

- 1) личный (личностный);
- 2) групповой (малая и средняя группа);
- 3) отраслевой/региональный;
- 4) институциональный;
- 5) государственный;
- 6) межстрановой;
- 7) всемирный (глобальный).

Большинство рисков (особенно глобальных) можно оценить по каждому уровню классификации. Данный признак классификации логично использовать в качестве одного из этапов анализа рисков, поскольку он предполагает разностороннее изучение риска, можно сказать его развертывание.

Для того чтобы была возможность изучить один или несколько рисков, необходимо, чтобы они каким-либо образом проявились. В связи с этим учтем признак «тенденция проявления риска». Риск может проявиться в нескольких этапах одного события либо сопровождать его при каждом возникновении этого события. В последнем случае риск будет являться объективным (например, дискриминация идеи труда в социокультурном контексте эконоцентричного общества). В случае если риск может проявиться под действием субъективных решений, он будет субъективным (например, риск, связанный с сознательным употреблением усилий по рациональному согласованию индивидуальных целей). Оба примера социокультурных рисков относятся к глобальной угрозе технологизации, в частности к направлению эконоцентризма [6]. Риск, возникновение которого возможно обосновать какими-либо причинами (событиями, факторами), является обоснованным. Если обоснование невозможно, то риск является необоснованным. Примеры обоснованных рисков: современные информационные технологии (представляют собой мощный механизм управления сознанием, поэтому могут иметь место подмена ценностей, уничтожение культурной памяти, смена идентичности [5], т. е. полная манипуляция человеческим разумом); риск (проблема) выбора неограниченного самосовершенствования или самосохранения [8]. Если риск порождает преступление либо мотивирует к нему, то такой риск является криминогенным. Например, могут подвергнуться криминализации общественные отношения, складывающиеся в процессе реформирования социально-политического устройства и экономической деятельности.

На основе предшествующих исследований и теоретической базы современной науки автором сформирована таблица классификаций социокультурных рисков.

Классификации социокультурных рисков

Признак классификации	Виды рисков
<i>1</i>	<i>2</i>
1. Тип риска	1.1. Реальный. 1.2. Потенциальный
2. Содержание риска (укрупненно)	2.1. Цифровизация. 2.2. Вестернизация. 2.3. Массовизация. 2.4. Технологизация. 2.5. Виртуализация культуры. 2.6. Морально-нравственный кризис. 2.7. Деформация каналов и механизмов трансляции духовного наследия
3. Причина (источник) возникновения риска	3.1. Антропологический. 3.2. Технологический. 3.3. Экономический. 3.4. Природный. 3.5. Смешанный
4. Направление риска	4.1. Этический. 4.2. Правовой. 4.3. Экономический (технологический). 4.4. Культурный (в том числе эстетический). 4.5. Психологический. 4.6. Экологический. 4.7. Социальный. 4.8. Гибридный (подразумевает синтез нескольких видов риска).
5. Степень влияния риска	5.1. Риск с низкой степенью влияния. 5.2. Риск со средней степенью влияния. 5.3. Риск с высокой степенью влияния. 5.4. Риск, приведший к катастрофе
6. Вероятность возникновения риска	6.1. Риск с малой вероятностью возникновения. 6.2. Риск со средней вероятностью возникновения. 6.3. Риск с высокой вероятностью возникновения
7. Функция риска	7.1. Риск, предусматривающий выгоду. 7.2. Риск, предусматривающий потери
8. Уровень риска	8.1. Личный (личностный). 8.2. Групповой (малая и средняя группа). 8.3. Отраслевой/региональный. 8.4. Институциональный. 8.5. Государственный. 8.6. Межстрановой. 8.7. Всемирный (глобальный)
9. Тенденция проявления риска	9.1. Субъективный. 9.2. Объективный. 9.3. Необоснованный. 9.4. Обоснованный. 9.5. Криминогенный

Окончание таблицы

1	2
10. Форма риска	10.1. Концептуальный. 10.2. Планируемый. 10.3. Прогнозируемый. 10.4. Структурированный. 10.5. Системный. 10.6. Внезапный

Представленные классификации социокультурных рисков являются универсальными, могут применяться в различных областях научной деятельности, на практике. Указанные выше признаки и соответствующие им риски сгенерированы не только на базе предшествующих исследований автора, но и с учетом работ ученых и специалистов из экономической (И.Б. Батовой, Р.А. Фатхутдинова, С.З. Семерник), социологической (О.А. Гримова, Е.Г. Каменского, Е.Б. Шестопап, А.В. Селезневой), технической (С.В. Ходыревской, В.Г. Халина, Г.В. Черновой), психологической (А.М. Молокостовой) и иных научных сфер. Классификации социокультурных рисков могут быть использованы в научно-исследовательской работе, посвященной изучению проблематики риска в постнеклассической науке и философии, а также других областях фундаментальных и прикладных наук.

Библиографический список

1. Батова И.Б. Классификация рисков и причины их возникновения // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 1. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=11976> (дата обращения: 18.02.2020).
2. Гримов О.А. Социокультурный анализ социально-сетевой коммуникации: возможности и риски // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: материалы Международной научно-практической конференции, г. Белгород, 19–20 ноября 2015 г. / отв. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: ООО «ПТ», 2015. С. 107–113.
3. Каменский Е.Г. Экзистенциальные риски инновационной парадигмы постиндустриального развития социума // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 4 (12). С. 78–82.
4. Маякова А.В. Анализ социокультурных рисков современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3. С. 120–127.
5. Молокостова А.М. Социальные риски в профессиональном развитии: теоретический образ и подходы к изучению // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 1720–1727.
6. Семерник С.З. Концепт «экономическое общество»: эпистемологический статус в условиях современности // Научное мнение. 2018. № 11. С. 30–35.
7. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент. СПб.: Питер, 2007. 448 с.
8. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

9. Ходыревская С.В. Применение стратегического планирования в сфере услуг // Инновации, качество и сервис в технике и технология: материалы Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2011. С. 398–402.
10. Ходыревская С.В., Маякова А.В. Применение метода FMESA для улучшения качества услуг // Методы менеджмента качества. 2013. № 3. С. 32–36
11. Ходыревская С.В., Маякова А.В. Управление рисками в сфере услуг // Методы менеджмента качества. 2013. № 2. С. 32–38
12. Шестопад Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.

THE CLASSIFICATIONS OF SOCIO-CULTURAL RISKS

A.V. Mayakova

South-West State University, Kursk

Classification of socio-cultural risks Stressed that the development of sociocultural classification of risks is one of the urgent tasks of modern philosophy and science. The solution of this problem is possible only on the basis of the principle of comprehensiveness, which will allow you to study the scientific problem from different sides, the principle of complexity, in which the scientific problem is studied using various interdisciplinary approaches as a whole, the principle of consistency, with which you can trace the structural elements and evaluate the problem as a whole system of interrelated and interacting elements. The author presents a table of classifications of socio-cultural risks within the transdisciplinary model of socio-cultural risk management, compiled on the basis of previous research by the author, as well as the work of various scientists and specialists: economists (I.B. Batova, R.A. Fathutdinov, S.Z. Semernik); sociologists (O.A. Grimov, E.G. Kamensky, E.B. Shestopal, A.V. Selezneva); technical sphere (S.V. Khodyrevskaya, V.G. Khalina, G.V. Chernova); psychologists (A.M. Molokostovoy), etc.

Keywords: risk, socio-cultural risk, crisis, classification.

Об авторе:

Маякова Анна Васильевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Россия. E-mail: BerryAnnett@yandex.ru

Author information:

Mayakova Anna Vasilyevna – PhD (Philosophy), Senior Researcher of South-West State University, Kursk, Russia. E-mail: BerryAnnett@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.9:37.015.3

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК АНТИКРИЗИСНАЯ СТРАТЕГИЯ

Р.М. Гайнутдинов

МОУ Культурно-образовательный центр «ЛАД», г. Ярославль

© Гайнутдинов Р.М., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-39-44

В статье отмечается, что в условиях нестабильности и неопределенности, которые характерны для сегодняшнего мира в целом и российской системы образования в частности, важной является способность сохранять видение перспектив и направлений движения для конкретных образовательных организаций. Рассматривается вопрос выбора приоритетов на ближнюю и дальнюю перспективы развития и инструментов подготовки к ним персонала.

Ключевые слова: *организационная культура, субъектность, полисубъектность, рефлексивность, самопрограммирование, соуправление, рабочая группа.*

Любая организация для повышения успешности (конкурентоспособности, прибыльности, качества результатов) в современных условиях должна заботиться о своем постоянном развитии. Это требование становится таким же обязательным, как наличие клиентов (потребителей) и удовлетворение их значимых потребностей. Причем эта константа значима как для бюджетных учреждений, так и для коммерческих структур. Планирование своего развития, в том числе и долгосрочное, несмотря на изменяющиеся реалии, всегда будет актуально. Понятно, что предугадать кризисные ситуации (даже в краткосрочной перспективе) практически невозможно (никто в мире не мог в конце 2019 г. предположить, что практически весь 2020 г. пройдет под знаком борьбы с пандемией коронавируса и его последствиями), но без планирования невозможно увидеть и конкретизировать перспективы своего существования. Под планированием мы понимаем не только цели и ожидаемые результаты, которых должна достичь компания, но и план действий и идеи, необходимые ресурсы для их реализации.

Эпоху, в которой мы живем, обозначают сокращением VUCA (англ. volatility – «нестабильность», uncertainty – «неопределенность», complexity – «сложность», ambiguity – «неоднозначность»). Принципы управления в эпоху VUCA нетрадиционные. В России к этим принципам добавляются еще как минимум два фактора – ограничения (санкции) и неэффективность систем управления. Все эти риски, трудно предсказуемые угрозы касаются (хоть и в меньшей степени) также и образовательных организаций (ОО).

Н.Н. Талев, автор бестселлеров «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» [7] и «Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса», обратил внимание на такое свойство живых систем, как способность становиться сильнее и выносливее при прохождении через испытания, переживания потрясения. Достигается антихрупкость за счет очень пристального внимания к происходящему, оперативной обратной связи и адаптивного взаимодействия с окружающим миром. Главный ресурс повышения надежности социальной системы в указанных условиях – это повышение качества управления и развитие потенциала сотрудников ОО. Спасением для образовательных учреждений может стать распределенное по всей организации лидерство, которое должно проявляться на всех уровнях управленческих структур. Но готовы ли педагоги к тому, чтобы проявлять инициативу и брать на себя дополнительную ответственность, которая неизменно сопровождает роль лидера? Или, может, стоит поставить вопрос иначе: при каких условиях люди на разных уровнях организационной структуры будут готовы становиться лидерами своих организаций?

Если мы хотим сформировать лидеров и субъектов собственной жизни и деятельности среди педагогов, их необходимо помещать в обстоятельства, стимулирующие проявление характеристик субъекта. Эти обстоятельства в ОО зависят от ряда основных аспектов: собственно самой образовательной деятельности, способа организации образовательного процесса и образовательного пространства; характера отношений участников образовательного процесса (в первую очередь руководителя, педагога, обучающегося, родителя). Если же говорить о необходимости формирования субъектной позиции педагога, а также субъектно-ориентированного педагогического процесса, то, несомненно, для их успешного создания и функционирования следует проектировать, «выращивать», стимулировать развитие субъект-субъектных отношений руководителя и сотрудника. Это, в свою очередь, возможно при соответствии доминирующего стиля управления, организационной культуры ОО ценностям активности и самостоятельности педагогов. Поэтому нужно осуществлять управление, ориентированное на формирование полисубъектности.

Полисубъектность коллектива – это качественно определенный способ согласования внешних и внутренних условий деятельности, процессов интеграции и адаптации, характеризующийся участием в качестве субъектов принятия решений тех, кто выступает одновременно и субъектом их реализации. Это своеобразная характеристика системной координации эмоциональных, интеллектуальных и волевых процессов, состояний и свойств личностей и группы в целом относительно объективных и субъективных условий деятельности, общения и развития [2].

Коллективный субъект через координационные и субординационные взаимодействия обретает черты структурности и иерархичности, выступая при этом не как моно-, а как полисубъект. Для достижения свойств моносубъектности, в том числе непротиворечивости, целенаправленности, адаптивности и так далее, коллектив посредством механизмов индивидуальной и групповой рефлексии и организации собственной деятельности, направленной

на реализацию общих целей, в рамках принятых ценностей и норм достигает уровня интегрированного полисубъекта, обладающего синергетическими возможностями. «Рефлексивные взаимодействия являются основой и главным механизмом интеграции коллективного субъекта» [3, с. 122].

Для бюджетного учреждения вполне естественной является ориентация на государственные и общественные интересы. Особенно острые запросы к системе образования формулируются при возникновении эксцессов с участием детей и подростков, ситуаций криминального и полукриминального характера. В связи с этим в ситуации пандемии Президент России В.В. Путин внес 21.05.2020 на рассмотрение Государственной думой поправки в закон «Об образовании в Российской Федерации» [6], предусматривающие укрепление воспитательной составляющей системы образования. Президентом было предложено ввести механизм организации воспитательной работы, которая войдет в состав образовательных программ. В эти программы планируется включить календарный план и рабочую программу воспитания. Их будут разрабатывать и утверждать сами ОО. Смысл поправок, по мнению Президента, в том, чтобы «укрепить, акцентировать воспитательную составляющую отечественной образовательной системы» [6]. Он подчеркнул, что система образования не только учит, но и воспитывает, формирует личность, передает ценности и традиции, на которых основано общество. Учреждения дополнительного образования входят в общую систему российского образования (РО) как обязательная и значимая подсистема, вносящая существенный вклад в воспитание и самовоспитание личности ребенка на разных этапах его социализации – от самого раннего (1,5–2 года) до раннего юношеского возраста (16–18 лет). Для того чтобы реализовать свою миссию эффективно, качественно, учреждения дополнительного образования должны иметь собственную стратегию управления развитием, сопряженную со стратегией РО и страны в целом, учитывать региональные особенности, потребности своей целевой аудитории, возможности и организационную культуру учреждения.

«Стратегическое управление можно определить как такое управление организацией, которое опирается на человеческий потенциал как основу организации, ориентирует производственную деятельность на запросы потребителей, осуществляет гибкое регулирование и своевременные изменения в организации, отвечающие вызову со стороны окружения и позволяющие добиваться конкурентных преимуществ, что в совокупности позволяет организации выживать и достигать своей цели в долгосрочной перспективе» [1, с. 183]. Среда стала столь быстро и непредсказуемо меняться, что затруднительно жестко контролировать по времени этапы реализации долгосрочных планов, поэтому важно уметь подстраиваться под эти изменения, помня о конечной цели стратегии, которая в случае с системой образования формулируется в программах развития конкретных ОО.

Важным элементом формирования организационной культуры субъектного типа является вовлечение существенной доли сотрудников в управление. Естественный и мощный инструмент в этом направлении – создание рабочей группы (РГ) при проектировании новой программы развития (ПР) ОО. Рабочая группа в муниципальном образовательном учреждении «ЛАД» (центр

«ЛАД») была сформирована из молодых и активных сотрудников, имеющих разный опыт и должностные обязанности. В начале взаимодействия (февраль 2020 г.) члены РГ довольно узко понимали устройство центра и свою взаимозависимость, но во время проектной деятельности произошла трансформация как их представлений о системе под названием центр «ЛАД», так и восприятия рабочих взаимоотношений при разработке новой ПР. Отметим, что существенные коррективы в эту деятельность внес коронавирус: было введено в экстренном порядке дистанционное обучение, организован удаленный рабочий процесс, на ходу изменены формы организации внутренней работы и освоены дистанционные формы коллективного взаимодействия, так как важно было сохранить энергетику движения и содержательную целостность документа.

Предварительным шагом, направленным на выбор приоритетных направлений будущей программы развития и объект деятельности РГ, стала серия интенсивных семинаров руководителей и ведущих специалистов центра. В ходе группового анализа проблемного поля по методу номинальных групп были выделены восемь приоритетных направлений [4], которые, с нашей точки зрения, создали систему взаимосвязанных проектов стратегии развития центра «ЛАД» на период 2020–2025 гг.:

- 1) реализация государственной стратегии персонифицированного финансирования дополнительного образования;
- 2) развитие маркетинговой деятельности и рекламы центра, его объединений и педагогов;
- 3) создание службы психолого-методического сопровождения деятельности центра;
- 4) организация работы с детьми с особыми образовательными потребностями;
- 5) оптимизация внебюджетной деятельности и платных услуг;
- 6) активизация работы с родителями;
- 7) развитие структурного подразделения (филиала);
- 8) структурирование и развитие системы внутрифирменного обучения.

Наиболее существенные аспекты работы над ПР, которые стремились учесть и закладывали при организации проектной группы:

- 1) при создании стратегического документа не менее важным, чем сам документ является деятельность по его разработке, т. е. происходят своеобразное «самопрограммирование», векторная настройка участников РГ и закладывается мотивация целедостижения;
- 2) разрабатывается стратегия развития центра; она должна стать той «дорожной картой» (общим представлением о том, куда двигаемся), которая будет ориентиром при принятии решений и планов работы, консолидации ресурсов на ключевых направлениях развития центра «Лад» на 3–5 лет;
- 3) у существенной группы сотрудников (в нашем случае это 10–12 человек, т. е. 25 % педагогического состава) формируется системное представление о своей работе в контексте общих проблем и задач ОО;

4) образуется «критическая масса» сотрудников, которая на основе общих ценностей и выработанного видения будущего станет «группой прорыва» коллектива в целом и передовым отрядом в управлении центром;

5) работа над программой выступает школой резерва кадров, т. е. основой для будущих ротаций в коллективе;

6) у педагогов формируется культура группового взаимодействия и коллективных решений, что, с одной стороны, может переноситься непосредственно в их педагогическую деятельность, а с другой – становится объединяющим принципом работы («мы все в одной лодке, и мы знаем, к какой гавани плывем»);

7) деятельность рабочей группы становится стержнем формирующейся системы внутрифирменного обучения сотрудников.

Таким образом, реализует программу тот, кто программирует будущее, чтобы ПР не превратилась в фантазии людей, которые не несут ответственности за будущее организации и ставят нереальные цели.

Соуправление должно осуществляться каждым на своем участке, на своем рабочем месте через управленческие полномочия по решению ряда важных вопросов функционирования и развития учреждения дополнительного образования. Собственно, это одна из форм так называемого горизонтального лидерства, или концепции β -лидерства. Иными словами, во главе организации находятся лидеры на каждом уровне управления (необходимое условие эффективного противостояния кризисным явлениям и участия в коллегиальной работе по производству программных представлений совместного строительства будущего, норм организации совместной деятельности, способствующей этому строительству), а не стоит один-единственный человек – так называемый α -лидер.

Мы понимаем, что «планировать полезно, слепо следовать плану глупо» [5]. Поэтому гибкость и корректировка, мониторинг и оперативное принятие решений – это обязательные принципы реализации даже самой удачной стратегии. Благодаря наличию разработанной программы развития мы в каждый момент времени представляем конечную цель, к которой стремимся, и двигаемся к ней короткими этапами – итерациями. В конце каждой короткой (месячной) итерации мы оцениваем, приблизились ли к цели или нет.

Библиографический список

1. Виханский О.С. Наумов А.И. Менеджмент: учебное пособие. М.: Гардарики, 1999. 527 с.
2. Гайнутдинов Р.М. Социально-психологические закономерности организационной культуры как фактора управления учреждением дополнительного образования: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Ярославль, 2001. 213 с.
3. Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных механизмов управления. М. – Ярославль: ДИА-пресс, 2000. 284 с.
4. Марков С. Метод номинальных групп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geniusrevive.com/metod-nominalnyh-grupp/> (дата обращения: 10.07.2020).

5. Сазерленд Дж. Scrum. Революционный метод управления проектами. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2015. 288 с.
6. Совецание по текущей ситуации в системе образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/05/21/putin-vnes-zakonoproekt-o-vospitatelnoj-rabote-v-sisteme-obrazovaniia.html> (дата обращения: 10.07.2020).
7. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2015. 736 с.

DESIGNING THE DEVELOPMENT PROGRAM OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION AS AN ANTI-CRISIS STRATEGY

R.M. Gaynutdinov

Cultural-educational center «LAD», Yaroslavl

Despite the overall instability and unpredictability of the modern world and to be precise Russian educational system, the importance of having an insight into the perspectives and future directions of a particular educational organization cannot be doubted. That is why it is vital to explore the topic of choosing the right organizational priorities in short and long run and instruments to incorporate them into the task force.

Keywords: *organizational culture, identity, multi identity, reflexivity, self programming, co-managment, task force.*

Об авторе:

Гайнутдинов Рашид Минасхатович – кандидат психологических наук, доцент, заведующий отделом психолого-методического сопровождения МОУ Культурно-образовательный центр «ЛАД», г. Ярославль, Россия. E-mail: rashidmg@mail.ru

Author information:

Gaynutdinov Rashid Minashatovich – PhD (Psychological sciences), Associate Professor, Head of Department of Psychological and Methodological Support of Cultural-educational Center «LAD», Yaroslavl, Russia. E-mail: rashidmg@mail.ru

SELF-RESPONSIBILITY У ОРДИНАТОРОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Д.Д. Григорьева*, М.И. Михеев**, В.П. Потамская**

* ФГБОУ ВО Тверской ГМУ Минздрава России, г. Тверь

** ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Григорьева Д.Д., Михеев М.И., Потамская В.П., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-45-53

В статье рассматриваются особенности врачебного этиос ординаторов ФГБОУ ВО «Тверской ГМУ Минздрава России». Одними из базовых составляющих, формирующих этиос врача, являются показатели степени свободы, ответственности, дисциплины, самодисциплинированности и самоответственности. В связи с этим было проведено психодиагностическое исследование, направленное на определение внешних и внутренних модусов ответственности ординаторов в условиях пандемии COVID-19. Обработка, анализ и интерпретация эмпирических данных проводились на базе Центра психологической поддержки ФГБОУ ВО «Тверской ГМУ Минздрава России». Исследование позволило осуществить качественный анализ, определить степень и формы дисциплинированности. Эгоизм, индивидуализм, меркантилизм выступают вторичными качествами, регламентирующими, дисциплинирующими деятельность специалиста. Опыт вызовов пандемии COVID-19 требует усиления гуманитарных, биоэтических и общекультурных компонентов при обучении медицинских работников всех уровней как через усвоение абстрактных принципов, так и посредством интерактивных форм, таких как социально-психологические тренинги, мастер-классы и др.

Ключевые слова: COVID-19, свобода, ответственность, врачебный этиос, профессиональная идентичность, самодисциплинированность, самоответственность.

Продолжающуюся пандемию COVID-19 сравнивают с «рентгеновским лучом, обнаруживающим трещины в хрупком скелете общества... Он высвечивает повсеместное заблуждение и ложь: ложь о том, что свободные рынки могут обеспечить здравоохранение для всех... Мы оказались поставлены на колени микроскопическим вирусом. Пандемия показала хрупкость нашего мира. Она обнаружила риски, которые мы игнорировали на протяжении десятилетий: слабые системы здравоохранения, пробелы в социальной защите» [1]. В условиях пандемии COVID-19 этот посыл актуален как никогда, считает А. Гутерриш, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций [1]. В свете вышесказанного дискуссия о моральной, культурной значимости профессии медика не только в практическом, но и в ценностном контексте приобретает особую важность. Врачи, в отличие от многих других работников современных сфер приложений человеческих усилий, не только оказывают услуги (т. е. являются элементами рыночных стратегий, ориентированных на получение прибыли), демонстрируют человеколюбие, граничащее с

самопожертвованием и подвигом. В ходе пандемии врачи показали не только высочайший уровень квалификации, знаний, умений и навыков, но и глубокий интериоризированный альтруизм. Врач – это не только профессия, но и призвание. В то же время процессы рефлексии ценностного тезауруса и его экстраполяция в профессиональной деятельности – это сложный многоуровневый процесс, которому нужно давать отдельное место в процессе обучения и воспитания. Этическая и практическая составляющие профессии врача существуют неразрывно и органично, дополняют друг друга. Только в такой взаимосвязи может происходить обучение студентов медицинского вуза. Подобную систему профессиональных, этических, культурных, социальных и других представлений можно назвать медицинским этосом. Иными словами, это осознанный творчески переработанный комплекс паттернов и экзистенциалов, когнитивных моделей, направленных на осуществление практической деятельности и формирование профессиональной идентичности. Личностный этос основывается на системе экзистенциально воспринятых и принятых императивов, в дальнейшем воспринимаемых как данность, через которую оцениваются и осуществляются ситуации выбора.

Врачебный этос является модусом личностного этоса. Этос врача должен формироваться рефлексивно. Императивы, определяющие фундаментальные принципы и аксиомы, не должны быть трансцендентными, репрессивными, они должны происходить из восхождения от конкретного к абстрактному в ходе практической деятельности. Таким образом, врачебный этос – это интериоризированная и отрефлексирующая совокупность абстрактных императивов в фокусе врачебного праксиса. Он создает многообразную конфигурацию мыслей, интересов, намерений, поступков, обуславливающую целеполагание.

Профессия врача требует навыков критического мышления, интуиции, смелости в принятии решений, которые невозможны в условиях внешнего контроля, так как являются результатом свободного выбора. Все эти качества непосредственно связаны с феноменом свободы, который не должен коннотировать нас к беззаконию и произволу, а быть соотнесенным с феноменом ответственности. Абстрактная идея неограниченной, безынтенциональной свободы в этом контексте бессмысленна и контрпродуктивна. Наоборот, свобода самореализации врача поднимает человека над личными (зачастую меркантильными) интересами, предавая им гуманистический характер.

Как считал выдающийся мыслитель В. Франкл, соотносительным понятием феномена свободы является ответственность: «Духовность, свобода и ответственность – это три экзистенциала человеческого существования. Они не просто характеризуют человеческое бытие как бытие именно человека, скорее даже они конституируют его в этом качестве» [3, с. 93]. Иными словами, высокие моральные принципы могут реализовываться только через волевые, осознанные решения с принятием ответственности за поступки.

Суждения о том, несет ли человек ответственность за свои действия и поступки, возложение ответственности за действия и последствия действий на других и на себя, является частью морально-этической практики и

межличностных отношений. Понятие ответственности включает в себя индивидуальное отношение к обществу, реализацию моральных, профессиональных требований [7]. По Аристотелю, ответственность исходит от лица, принимающего решения, проистекает из способности рассуждать, осознавать поступки, их последствия, подразумевает под собой готовность действовать в различных обстоятельствах. Решение возникает в результате обдумывания и выражает представление актора о том, что есть Благо [5].

Ответственность может быть качеством как коллективным, так и индивидуальным, что отражает взаимозависимость человека и социальной группы [12]. Следует отметить, что уровень ответственности зависит от социальных и психологических условий деятельности индивида. В то же время ответственность может быть рассмотрена как «концепция отношений», она подразумевает под собой обсуждение того, о чем человек обязан заботиться или за что он отвечает, при этом предполагается, что какое-либо действие выполняется должным образом [9].

Ответственность можно рассматривать в узком смысле как совокупность обязательств, связанных с работой или функциями, выполняемыми в обществе [5]. Следовательно, одними из определяющих факторов развития ответственности как неотъемлемого социального атрибута профессионала являются характер и качество образовательно-воспитательных процессов в университете [11]. В профессиональной среде ответственность человека как психологический конструкт личности выступает значимым показателем социальной компетентности, выражающейся в таких качествах, как способность сотрудничать, принимать участие в командной деятельности, гибкость, коммуникабельность и способность принимать критику [7].

В то же время врач в своей профессиональной деятельности непрерывно сталкивается с необходимостью в виде профессиональных, социальных, экономических, юридических отношений. Они обуславливают степень и форму реализации его интенций. Как следствие, врач весьма ограничен в выборе объективных условий своей деятельности, которые в то же время должны сочетаться с высокой степенью свободы. Даже когда ситуация безальтернативна, врач в состоянии замедлить наступление нежелательных последствий либо ускорить приближение желаемых. Свобода в профессии врача относительна, она соотносится с конкретными целями и претворяется в выработке конкретных планов и стратегий действия. Осознание своих реальных, инструментальных, технических, этических, юридических и других возможностей не сужает степень свободы, а наоборот, делает ее важнейшим волевым качеством. Кроме того, она приобретает еще большую актуальность в рамках биоэтического подхода.

Врачебная деятельность предполагает дисциплинированность. Под дисциплиной понимается следование правилам, установкам, законам, которые определяют, регламентируют внешние или внутренние модусы ответственности. Осознанная свобода при принятии решения является фундаментальным качеством в профессии врача. Именно она служит основой самоорганизации процесса врачебной деятельности и формирования самодисциплины, делает врача не пассивным, а активным субъектом профессиональной деятельности.

Повседневное сознание ассоциирует понятие «дисциплина» через негативные коннотации, так как это понятие ассоциируется с внешним, отчуждающим, репрессивным ограничением желаний человека, т. е. понятие дисциплины носит кафкианский характер [2].

Противоположностью отчуждающему характеру внешних факторов является самодисциплина, которая понимается как осознанная способность организовывать свободное целеполагание в условиях необходимости реализации поставленных задач. Следовательно, самодисциплина и самоответственность проистекают из внутренних стимулов, а ответственность и дисциплина базируются на деонтологическом фундаменте.

Концепция самоответственности подразумевает под собой ответственность субъекта за действия, которые уже были выполнены или будут выполнены в будущем; она является одновременно ретроспективной и перспективной. С самоответственностью достаточно тесно связана автономия личности, указывающая на способность людей сознательно рассуждать, обдумывать, судить, выбирать и действовать, быть саморефлексивной личностью [8]. Самоответственность может предполагать и ответственность за других, что в перспективе приводит к радикальному отличному видению ответственности за себя и за других вследствие трансцендентной природы собственного опыта [6].

Процесс формирования концепции самоответственности относительно концепции автономии означает радикальное переупорядочение социальной ткани с помощью таких мер, как отделение «безумных» от «нормальных» людей, «преступников» от «лиц, уважающих закон», идентификация «несовершеннолетних» и др. [4]. По оценкам ряда исследователей, само-ответственность как концепция была разработана в связи с концепцией автономии в западных капиталистических рыночных экономиках [8]. В настоящее время преобладает следующая конфигурация самоответственности: гипериндивидуалистическая версия, слабо связанная с солидарностью с другими группами, государствами или окружающей средой. Каждый человек, согласно данной конфигурации, становится своего рода капиталистом, оценивающим свой собственный человеческий капитал наиболее «прибыльным» способом на протяжении всей жизни [8].

Широкую дискуссию вызывает формализация, регламентация работы врача в современных отечественных медицинских учреждениях. Основные положения, организующие рабочее время специалиста, изложены в приказе Минздрава РФ № 290н «Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-педиатра участкового, врача-терапевта участкового, врача общей практики (семейного врача), врача-невролога, врача-отоларинголога, врача-офтальмолога и врача-акушера-гинеколога» от 02.06.2015. Значительная часть рабочего дня (от 30 до 50 %) уходит на заполнение разнообразной документации, а информатизация процесса зачастую приводит к дублированию работы и еще большему сокращению времени, посвящаемому пациенту. При этом наибольшая нагрузка ложится на плечи молодых медицинских работников, т. е. ординаторов.

В условиях пандемии COVID-19 повышаются риски профессиональных заболеваний, что ведет к экспоненциальному росту профессионального выгорания. Таким образом, врач одновременно является субъектом отношений «врач – пациент» и объектом нарастающей волны бюрократических процедур. Возникающие разнонаправленные вектора, интенции, целеполагание (такие как предоставление и оформление медицинских услуг, с одной стороны, и повышение и/или сохранение качества жизни, благополучия и здоровья пациента – с другой) приводят к отчуждению. Переориентация врачебной деятельности по направлению к сфере услуг подавляет самосознание, смещает в сторону производственных нужд. Профессиональная реальность становится трансцендентной и зачастую реальной совокупностью требований и ограничений.

Как правило, аргументами в пользу усиления внешней дисциплины являются рационализация и оптимизация. В то же время люди интерпретируют организационные правила, планы и механизмы действия в зависимости от их компетенции, знаний, статуса, опыта и непредвиденных обстоятельств конкретной ситуации, следовательно, по-разному трактуют ответственность. Социальные действия и практики часто не подчиняются правилам, планам и процедурам, нарративам, поскольку они никогда не могут дать исчерпывающие указания, каким образом они должны быть реализованы на практике в данных обстоятельствах, в конкретной ситуации [9].

Итак, пандемия COVID-19 актуализировала неоспоримую значимость наличия высоких гуманистических качеств в работе врача, таких как альтруизм, эмпатия, самопожертвование, проявление которых нельзя стимулировать внешними формальными дисциплинарными формами. Они могут основываться лишь на саморефлексии, самоорганизации, самодисциплине и свободе, которая выступает в качестве точки бифуркации разрыва детерминации.

Цель исследования: изучить имманентные и трансцендентные модусы самоответственности ординаторов в условиях пандемии COVID-19.

Исследование проводилось в IV квартале 2019 г. – I квартале 2020 г. на базе Центра психологической поддержки ФГБОУ ВО «Тверской ГМУ Минздрава России». Базу психодиагностических методик составила методика диагностики ответственности «Дисциплинированность» Н.В. Воротниковой.

Выборка исследования является достаточно однородной и включает в себя 88 ординаторов Тверского государственного медицинского университета в возрасте от 23 до 43 лет. Обработка данных проводилась на основе количественных методов. Для обработки и интерпретации полученных данных использовались данные описательных статистик, реализованные в программе SPSS 22.0.

Исходя из результатов проведенного исследования можно сделать выводы о собирательном образе врача-ординатора в ракурсе самоответственности. Следует отметить, что анализ и интерпретация описательных статистик проводилась на базе ранжирования шкал в порядке их убывания (таблица).

Показатели дисциплинированности у ординаторов
Тверского государственного медицинского университета
(количество испытуемых – 116)

Шкалы (показатели)	Min	Max	Среднее значение	Стандартное отклонение
Внутренняя дисциплина	13	44	37,9	±6,6
Деятельность	20	49	36,9	±5,89
Оптимистичность	18	45	36,4	±6,25
Конформность	21	46	36,4	±5,61
Подчинение	19	47	35,9	±5,96
Локус-контроля интернальность	24	48	35,9	±4,84
Осознание	18	6	35,3	±6,47
Эргичность	6	47	35	±6,88
Трудности	18	48	32,7	±6,46
Врожденная дисциплина	14	45	30,9	±8,39
Нормативность	16	44	30,3	±7,11
Социальная желательность	13	45	28,2	±7,16
Эгоцентризм	14	44	27,7	±7,31
Импульсивность	9	45	27,1	±8,28
Инициативность	8	45	26,6	±7,6
Пессимистичность	13	45	26,5	±8,01
Нонконформность	14	44	25,1	±7,99
Локус-контроля экстернальность	9	44	24,5	±9,09
Нравственность	7	45	22,4	±9,74

Качественный анализ эмпирических данных продемонстрировал, что наиболее ярко выраженными качествами, характеризующими показатели дисциплины у начинающих врачей, является внутренняя дисциплина (шкала «Внутренняя дисциплина») – интериоризированные и отрефлексированные нормы, положения, принципы профессиональной деятельности, проявляющиеся в постоянной самодисциплине и осознанном отказе от недисциплинированных поступков.

Интериоризированность self-responsibility у ординаторов происходит в процессе понимания высокого общественного значения целей и задач их профессии, результатом чего является хорошее настроение и самоуважение (шкала «Деятельность» и «Оптимистичность»). Высокий уровень конформности опрошенных свидетельствует об осознании ими гуманистических целей в профессии врача (шкала «Конформность»). Хотя респонденты вполне отдают себе отчет в необходимости формальной организации (шкала «Подчинения»), они готовы принимать окончательные и зачастую весьма ответственные решения о стратегиях лечения (шкала «ЛК-интернальность»). При этом высокая степень рефлексии, осознания и готовности следовать мировоззренческому тезаурусу приводит к пониманию сути и природы дисциплины (шкала «Осознания»). Отсюда проистекает высокая эргичность – готовность следовать указаниям и примеру более опытных врачей. Уважение к авторитету происходит

из осознания недостаточности формализованного подхода в профессии врача, высокой значимости клинического опыта.

Молодые врачи-ординаторы находятся в процессе трансформации, перехода из одного социального статуса в другой. Новые, непривычные формы работы, регламенты, степень ответственности и взрослая жизнь как таковая вызывают у них определенные трудности, которые обусловлены необходимостью соблюдать специфический дисциплинарный режим (шкала «Трудности»). Однако предшествующий длительный процесс обучения приводит к селективному отбору, т. е. остаются наиболее послушные, покладистые люди, у которых дисциплинированность сформирована с раннего детства (шкала «Врожденная дисциплина»). В то же время существует стремление к карьерному, но не профессиональному росту и материальному благополучию (шкала «Нормативность»). Элемент конкуренции, осознание необходимости занятия статусной должности способствуют формированию эгоцентризма (шкала «Эгоцентризм»). Из этих устремлений закономерно сублимируется желание быть замеченным и оцененным начальством при помощи создания показного, нарочитого имиджа (шкала «Социальная желательность»).

К неярко выраженным качествам можно отнести шкалы «Инициативность», «Пессимистичность», «Нонконформность», «ЛК-экстернальность» и «Нравственность». Можно сказать, что респондентам не свойственны пассивность и медлительность в принятии решения, они не испытывают отрицательных эмоций из-за тех ограничений, которые накладывает на них профессия, в них слаб дух противоречия, нет бунта против системы. Как правило, молодые врачи редко полагаются на судьбу или случай как при принятии решений, так и в оценке внешней ситуации. И наконец, на последнем месте находится шкала «Нравственность», демонстрирующая «превратное, искаженное, поверхностное понимание дисциплины и дисциплинированности».

Сопоставление первого и второго блоков показывает, что гуманистические, социальные мотивы преобладают над индивидуалистическими и эгоцентрическими. Но последние оказывают значительное воздействие на дисциплинированность врача из-за консюмеристского контекста. С одной стороны, общечеловеческий потенциал, несомненно, влияет и формирует, организует мировоззренческий тезаурус ординаторов, придавая дисциплине имманентный, отрефлексированный, экзистенциальный характер, с другой – современные индивидуалистические, экономические, рыночные реалии отказывают значительное (хотя и не главное) воздействие на формирование медицинского этики.

Проведенное исследование продемонстрировало, что хотя молодые врачи-ординаторы обладают достаточно высокими гуманистическими качествами, которые необходимы в условиях пандемии COVID-19, существует значительное количество факторов, мешающих их полной реализации и испытывающих их на прочность.

Библиографический список

1. Гутерриш А. Лекция в память о Нельсоне Манделе «Борьба с пандемией неравенства: новый общественный договор для новой эпохи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/statement/2020-07-18/secretary-generals-nelson-mandela-lecture-%E2%80%9Ctackling-the-inequality-pandemic-new-social-contract-for-new-era%E2%80%9D-delivered> (дата обращения: 23.09.2020).
2. Кафка Ф. Процесс. СПб.: Азбука-классика, 2007. 315 с.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 383 с.
5. Bivins T. Responsibility and Accountability [Electronic resource]. – Access mode: <http://homepages.se.edu/cvonbergen/files/2012/12/Resonsibility-and-Accountability1.pdf> (accessed: 23.09.2020)
6. Buckley P. Self-Responsibility and Responsibility for Others // LABYRINTH. 2016. No 18. Pp. 1–44.
7. Lazareva L.P., Zavodevkina N.V. Personal and Professional Responsibilities of Students: Psychological and Pedagogical Factors of Real Opportunities // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. No 5. Pp. 1351–1358.
8. Maier R. Self-Responsibility: Transformations // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 63 (1). Pp. 27–42.
9. Martin D. Responsibility: A Philosophical Perspective // Responsibility and Dependable Systems / ed. by D. Dobson. London: Springer, 2017. Pp. 1–21.
10. Toker H., Turker D., Vural C.A. Social Responsibility Education in Turkey // Social Responsibility Education Across Europe. London: Springer International Publishing, 2016. Pp. 1–28.
11. Turker D., Vural C.A., Idowu S.O. Social Responsibility Education Across Europe. London: Springer, 2016. 257 p.
12. Williams G. Responsibility as a Virtue // Ethical Theory and Moral Practice. 2008. Vol. 11. Pp. 455–470.

SELF-RESPONSIBILITY AT ORDINATORS UNDER CONDITIONS PANDEMIC COVID-19

D.D. Grigorieva*, M.I. Mikheev**, V.P. Potamskaya**

*Tver State Medical University, Tver

**Tver State Technical University, Tver

The article discusses the features of the medical ethos of residents of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Tver State Medical University of the Ministry of Health of Russia. Some of the basic components that form the ethos of a doctor are indicators of the degree of freedom, responsibility, discipline, self-discipline and self-responsibility. In this regard, a psycho-diagnostic study was carried out aimed at determining the external and internal modes of responsibility of residents in the context of the COVID-19 pandemic. The processing, analysis and interpretation of empirical data was carried out on the basis of the Center for Psychological Support of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Tver State Medical University of the Ministry of Health of Russia. The study made it possible to conduct a qualitative analysis, determine the degree and forms of discipline.

Egoism, individualism, mercantilism are secondary qualities that regulate, discipline the activities of a specialist. The experience of the current challenges of the COVID-19 pandemic requires strengthening the humanitarian, bioethical and general cultural components in the training of medical workers at all levels, both through the assimilation of abstract principles and through interactive forms such as social and psychological trainings, master classes, etc.

Keywords: *COVID-19, freedom, responsibility, medical ethos, professional identity, self-discipline, self-responsibility.*

Об авторах:

Григорьева Дарья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской ГМУ Минздрава России», г. Тверь, Россия. E-mail: danya72@mail.ru

Михеев Михаил Игоревич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия.

Потамская Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Authors information:

Grigorieva Darya Dmitrievna – PhD, Associate Professor of Department of Philosophy and Psychology with Bioethics and History of the Fatherland Courses of Tver State Medical University, Tver, Russia. E-mail: danya72@mail.ru

Mikheev Mikhail Igorevich – PhD, Associate Professor, Associate Professor of Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia.

Potamskaya Vera Pavlovna – PhD, Senior Lecturer of Department of Media Technologies and Public Relations of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 316.77

ИДЕАЛИЗАЦИИ РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОЙ МАТЕРИ)

О.Ю. Верпатова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Верпатова О.Ю., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-54-59

Отмечено, что именно социальные сети воплощают в себе идею симулякров, изложенную в работах Ж. Бодрийяра. Анализируется проблема формирования образа «идеальной матери» с помощью такой социальной платформы, как Instagram. Методом контент-анализа выявляются и описываются различные аспекты репрезентации материнства популярными блогерами, анализируются возможные риски потребления данного контента пользователями.

Ключевые слова: симулякр, Интернет, социальные сети, блогеры, контент, материнство.

Сегодня пространство социальных сетей стремительно развивается, что привлекает к ним внимание исследователей самых разных направлений. Многие ученые акцентируют свое внимание на влиянии данных ресурсов на реальные социальные практики, усвоении определенных моделей ролевого поведения (особенно в молодежной среде). Специалисты говорят о том, что современные социальные сети как специфичное коммуникативное пространство позволяют говорить о них как новых медиа, отличающихся такими свойствами, как конвергентность, интерактивность и дигитализация [5, с. 223]. Для данных информационных площадок характерно самонаполнение (как правило, без дополнительных ограничений). Это делает социальные сети уникальным объектом для исследования, так как все их содержание продуцируется самими пользователями. Особое место в социальных сетях занимает такой формат ведения площадки, как блог.

Феномен блога воплощает в себе следующие ключевые принципы: интерактивность взаимодействия блогера (автора контента) и его аудитории (пользователей); возможность предоставлять информацию по запросу и формировать данные запросы у потребителей; самостоятельное управление контентом блога; удобство потребления информации; возможность непосредственного общения, что создает дополнительную атмосферу близости и доверия со стороны аудитории; изменение формата дискуссии с «один на один» на формат «многие – многие» [3, с. 873]. Блогерство включает в себя такой важный атрибут, как репутация. И если в традиционных СМИ репутация источника информации (журнала, газеты, канала) формируется чаще всего независимо от личностных характеристик тех, кто в них работает, то в блогах многое обуславливается самим блогером, его индивидуальностью. Личность автора, его образ жизни, подача материала формируют его аудиторию.

Содержание приводит к блогеру новую аудиторию, имеющую сформированный запрос на информацию определенного рода. Чем шире, активнее и лояльнее аудитория блогеров, тем выше их статус как инфлюенсеров, с которыми готовы сотрудничать компании в рамках рекламных проектов, представители органов власти и т. д. Таким образом, коммерческий успех и результативность зависят от умения отдельной персоны создавать максимально востребованное наполнение своего блога. В результате данный контент часто далек от реального положения дел, носит символический или атрибутивный характер, визуализирует идеальную картинку, создавая образ, пользующийся спросом у аудитории.

Наполнение социальных сетей состоит, по сути, из симулякров. Ж. Бодрийяр весьма точно описывает принцип, которому часто следуют пользователи социальных сетей и блогеры: «Симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете» [2, с. 7]. Развивая данную мысль, он говорит о том, что постепенно симулирование как воплощение некоторой утопичности начинает подкрепляться различного рода образами и то, что изначально было оторвано от реальности, превращается в то, что никогда этой реальностью не станет, но претендует на этот статус, порождая бесконечную череду отсылок на самих себя [2, с. 11]. Как отмечают исследователи, постепенно (с развитием технологий и из-за компьютеризации) симулятивная реальность приобретает форму виртуальной, входит в устоявшиеся практики повседневной жизни [4, с. 32]. Однако зачастую пользователи не воспринимают выстроенную в социальной сети, блоге картинку как образ, не имеющий ничего общего с действительностью. Они придают ему точно такое же значение, как и повседневным практикам, с которыми они сталкиваются в своей обыденной жизни. В результате ракурс восприятия смещается с потребления яркого, интересного визуального образа как эстетического на принятие этого образа как идеала, которого можно достичь при определенных усилиях. Идеализация чужого образа жизни, принятие как эталона симулятора реальности могут содержать в себе определенные риски (как социальные, так и психологические).

Говоря о специфике блогосферы, следует отметить, что, поскольку этот феномен только недавно стал предметом живого научного интереса, единой типологии не существует. Тем не менее по содержанию доминирующего контента можно выделить несколько типов блогеров: book-блогеры (освещают книжные новинки, делятся обзором и анализом литературных произведений); beauty-блогеры (анализируют косметический рынок и все, что связано с макияжем и уходом за собой); стримеры и «обзорщики» (обзор и прохождение компьютерных игр, обзор кино, сериалов, телепередач и т. д.); travel-блогеры (рассказывают о путешествиях); кулинарные блогеры; блогеры, ведущие каналы о мотивации и продуктивности и др.

Один из видов блогов, очень быстро распространившийся, – блоги о материнстве. Успех их легко объясним: детородного возраста достигло поколение девушек, использующих Интернет как основной источник информации. Приверженность определенному способу потребления информации приводит к тому, что молодые мамы обращаются к ставшему привычным формату поиска своей новой идентичности. Они обращаются к интернет-сообществам как наиболее удобному, знакомому, а главное, вызывающему доверие источнику.

Необходимо подчеркнуть, что мнения современной молодежи обуславливаются мнением блогеров. К блогерам прислушиваются, их советам следуют. Потребители легко воспринимают нативную рекламу от блогеров и доверяют их сообщениям. Именно поэтому анализ контента важен: он дает возможность выявить и понять риски, связанные с потреблением информации и образов.

В марте 2020 г. было проведено методом контент-анализа прикладное социологическое исследование Instagram-аккаунтов русскоязычных блогеров-матерей, выкладывающих сведения о материнстве и детях (это указано в профиле, что позволяет найти данные блоги по прямому запросу).

Instagram – социальная сеть, в которой большое внимание уделяется визуальному ряду, а именно фотографиям. Концепция данной сети – демонстрация практически в режиме реального времени своей жизни, возможность поделиться теми или иными событиями и т. д. Именно акцент на картинке превращает Instagram в удобную площадку создания и продвижения симуляции реальности (иллюзия выдается за реальность). В качестве единиц анализа были выбраны 5 имеющих более 600 тысяч подписчиков блогов, в которых активно и регулярно размещаются посты. Еще одним критерием отбора стало наличие рекомендации, данной блогеру, в социальных сетях. Из анализа были изъяты блоги, принадлежащие мамам, но не связанные с материнством как образом жизни, например блог фотографа-художника, где дети – эстетический элемент постановочного кадра (это обозначено как искусственно конструируемая реальность). Объем выборочной совокупности составил 300 постов.

При анализе контента данных блогов следует обратиться к концепции архетипов. Исследователи затронули развитие в современном обществе такого архетипа, как домохозяйка. Архетип «домохозяйка» связан с супружескими отношениями: женщина позиционируется как заботливая, преданная мужу и семье супруга, не имеющая амбиций, готовая позаботиться о муже, создать уют, воспитывать детей (здесь дети представляют собой не центр системы координат, а атрибут счастливого семейного статуса) [7, с. 269]. Этот архетип составляет основу формирования тех образов, которые преподносятся в анализируемых блогах.

Прежде всего следует отметить внешний образ, презентуемый в сети. Все блогеры – женщины в возрасте от 25 до 40 лет, имеющие ухоженный вид: стройную фигуру, длинные волосы и т. д. У всех больше четырех детей, возраст которых – до 1 года до 19 лет. Все женщины-блогеры являются замужними, демонстрируют в социальных сетях модель полной традиционной семьи. В своих блогах авторы транслируют образ «идеальной матери», который складывается из следующих компонентов: позитивного и доброжелательного отношения в семье; чистого, убранного пространства дома; высокой социальной активности матери и детей; красивого внешнего вида, стильной одежды; успешного, качественного выполнения обязанностей по дому.

На фотографиях и в тексте постов мать не транслирует негативных эмоций (так же, как и дети). Блогер позиционирует себя как человека, умеющего отслеживать и рационализировать свое поведение, контролирующего свои эмоции (и в этом плане служит примером своим детям). Она не проявляет спонтанных реакций, подчеркивает диалогичность общения с детьми и

придерживается практики сотрудничества, а не запретов и санкций при взаимодействии «родитель – ребенок». Все переживания, присутствующие в постах, конструктивны, положительны, нацелены на взаимодействие и успех. В среднем 70 % фотографий – это изображение матери в окружении детей (редко встречается изображение матери с одним ребенком). Чаще всего нам показывают позитивные эмоции от взаимодействия родителей друг с другой, детей между собой. В постах (текстовых сопровождениях визуального ряда) отсутствуют упоминание ссор между детьми, описание проявления детьми негативных эмоций, капризов, которые бы не удалось разрешить через родительское педагогически корректное поведение, рассказ о конфликтах детей и социального окружения. Блогеры делают акцент на хорошем поведении своих чад: они дружные, не спорят, ладят, готовы заботиться друг о друге, с радостью воспринимают новость о пополнении в семье. Эти декларируемые позиции подкреплены фото-доказательствами (красочными, полноцветными, дети всегда улыбаются). Фотографии отретушированы, сделаны или на фоне красивого (в том числе домашнего) интерьера, или на отдыхе в различных знаковых местах.

Взаимоотношения с мужем показаны как гармоничные, продуктивные, проникнутые заботой и поддержкой ухаживания в формате супружеской жизни. Это подтверждают портретные снимки (чаще всего они результат фотосессии, демонстрирующей близость партнеров). О традиционном разделении ролей говорит позиционирование блогера себя как «хранительницы очага», а мужа – как «главы семьи» (ему часто отводится центральное место на групповой фотографии); подчеркивается стремление создать для него комфортные условия.

Рассматривая другой аспект – идеализацию дома – можно отметить, что показываемый интерьер наполнен символикой достатка и традиционной семьи: большие пространства, светлые тона мебели без повреждений и загрязнений, натуральные материалы и поверхности, элементы экостиля, камин или плетеная мебель. Беспорядок отсутствует или же имитируется (на постановочных фотографиях). При этом никто из блогеров не говорит о наемном персонале, клининговых и других службах, поэтому аудитории кажется, что такой чистоты женщина (автор поста) добилась сама, заботясь о доме, красоте интерьера, и что она успевает следить за чистотой одежды детей и супруга.

На 30 % фотографий демонстрируются различные виды совместной социальной активности детей и родителей, например празднование значимых событий (дней рождений и пр.). Еще 20 % посвящено путешествиям всей семьей, (в том числе с грудными детьми). Все фотографии насыщенные, яркие, наполнены позитивными эмоциями. Часто именно такие посты содержат нативную рекламу различных развлекательных центров или услуг аниматоров. Образы демонстрируют, что даже в многодетной семье можно организовать активный отдых, отличный от просмотра телевизора. Часто в блогах авторы акцентируют внимание на разнообразных занятиях своих детей, подчеркивают их спортивные или творческие достижения (размещены фотографии с медалями, атрибутами увлечений).

Подчеркивается блогером идеальность внешнего вида. Имеющиеся в блоге изображения сопоставимы по качеству с фотографиями в гляцевых изданиях: всегда есть нанесенный элегантный и сложный макияж,

интенсивность которого зависит от заявленного образа; показывается чистая и стильная одежда, подобранная не по принципу удобства для прогулок или уборки дома, а по принципу красоты (белоснежное платье при готовке еды, туфли на шпильках во время прогулки с детьми, светлые ткани во время поездок на природу и активного отдыха). Блогеры декларируют необходимость ухода за собой даже при огромной загруженности заботой о ребенке, используя классические фразы типа «главное – желание», «кто не хочет, всегда ищет оправдания», «ты должна себя любить», «дети – это не повод забросить себя». Интересно, что упоминание о помощи в заботе о ребенке (например, наличие няни, участие родителей в жизни внуков и молодой семьи) можно встретить лишь в 3 % постов.

Таким образом, можно сделать вывод о продуцировании некоего идеала, крайне привлекательного социально, эстетически совершенного образа, но труднодостижимого или в принципе недостижимого при обычных условиях. Многодетная мать, не сталкивающаяся с трудностями или легко их преодолевающая, не знающая усталости, активная, ухоженная, содержащая дом в чистоте, – воплощение архетипа. Он воспринимается женщинами (аудиторией данного блогера) как реальность, происходит замена «быть» на «казаться». Пользователи потребляют симулякр успешного материнства, примеряя данную модель не себя. Здесь и следует обратить внимание на риски. Молодая мать, сталкиваясь с трудностями материнства, ищет поддержки, в том числе в социальных сетях. Видя перед собой идеальный образ матери, она, сознательно или нет, воспринимает его как образец для подражания и стремится реализовать на практике, но не может. Этот образ кажется реальностью, а не ее заменой или иллюзией, из-за чего у индивида возникают неудовлетворенность, стресс от своей несостоятельности, возникают сомнения в своих возможностях и способностях. Именно эти сомнения и формируют комплексы, приводят к ухудшению сложного психологического и эмоционального состояния молодых женщин. Можно говорить также о подмене реальности иллюзией, когда молодая мать, стремясь достичь демонстрируемого идеала (который транслирует ей референтная персона, вызывающая ее доверие и расположение), теряет эмоциональную связь с ребенком, превращает реальное материнство в его симуляцию в социальных сетях.

Сегодня интернет-пространство и социальные сети предоставляют большие возможности для пользователей, но в то же время они порождают и новые риски. Анализ этих рисков необходим для понимания специфики влияния на личность современных технологий, особенностей социализации под воздействием новых факторов, что, в свою очередь, создаст условия для минимизации возможных угроз.

Библиографический список

1. Ахмадеева Е.В. Виртуальное пространство как угрозе психологической безопасности семьи // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 1. С. 442–447.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.

3. Гарифуллин В.З., Закиров Л.Р. Роль блогосферы в развитии национального интернет-пространства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 4. С. 872–883
4. Демченко Л.М., Закирова Т.В. Проблема взаимосвязи технического и социального в становлении «симулятивной реальности» как способа человеческого бытия в философии Ж. Бодрийера // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7 (126). С. 32–40.
5. Рогалева О.С., Шкайдерова Т.В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник Омского университета. 2015. № 1 (75). С. 222–226.
6. Шагдарова Б.Б., Вильмова К.К. Интернет-журналистика и новые медиа // Вестник Бурятского государственного университета: язык, литература, культура. 2018. № 4. С. 64–68.
7. Перевозкина Ю.М., Перевозкин С.Б., Дмитриева Н.В. Архетипы современной женщины // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1 (44). С. 267–270.
8. Лучинкина А.И. Специфика интернета как института социализации // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 1. С. 59–69.

IDEALIZATION OF ROLE BEHAVIOR IN THE SPACE OF SOCIAL NETWORKS (ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF THE IMAGE OF THE IDEAL MOTHER)

O.Yu. Verpatova

Tver State Technical University, Tver

It is noted that social networks embody the idea of simulacra, described in the works of Zh. Baudrillard. The problem of forming the image of the "ideal mother" using a social platform such as Instagram is analyzed. The content analysis method identifies and describes various aspects of the representation of motherhood by popular bloggers and analyzes the possible risks of consuming this content by users.

Keywords: *simulacrum, Internet, social networks, bloggers, content, motherhood.*

Об авторах:

Верпатова Оксана Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Author information:

Verpatova Oksana Yuryevna – PhD (Philosophy), Associate Professor of Department of Sociology and Social Technologies of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

УДК 159.9:614.8

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ ПОЖАРНЫХ-СПАСАТЕЛЕЙ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ РАБОТЫ

Н.Ю. Власенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технический университет», г. Тверь

© Власенко Н.Ю., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-60-66

Была исследована профиль предпочитаемых копинг-стратегий у пожарных-спасателей (в зависимости от стажа профессиональной деятельности). В обследовании участвовали 235 пожарных-спасателей мужского пола в возрасте от 25 до 45 лет, которые были распределены по трем группам (1–6, 7–15 и 16–22 года службы). С помощью личностного опросника SACS (S. Hobfoll) были изучены предпочтения в выборе копинг-стратегий. Было выявлено, что у большинства пожарных-спасателей в качестве приоритетных выступают просоциальные и активные стратегии. Было обнаружено возрастание с увеличением срока службы негативных явлений в преодолении стресса и доли лиц с пассивными паттернами поведения.

Ключевые слова: копинг-стратегии, стресс-преодолевающее поведение, пожарные-спасатели, стаж, служба.

ВВЕДЕНИЕ

В современной психологической науке проблеме стресса посвящено одно из ведущих направлений. Исследуются и разрабатываются варианты превентивных, коррекционных и реабилитационных подходов, технологий и методик. Среди этого психологического арсенала особое место занимают индивидуальные стратегии преодоления и совладания со стрессовой ситуацией. Традиционно к ним относят копинги и связанные с ними копинг-ресурсы личности. Понятие *coping* происходит от английского *cope* («преодолевать»). С середины 60-х годов XX в. в западной психологии «копинг» стал обозначать модель поведения в стрессовой ситуации [1; 2].

R.S. Lazarus, автор наиболее популярной концепции копинга, понимал копинг-поведение как средство психологической защиты от травмирующих событий. Акцентирующую и фокусную роль в характере такой защиты он приписывал когнитивной оценке ситуации [3]. Траектория такой оценки зависит от индивидуальных и личностных особенностей: силы, лабильности и сбалансированности нервных процессов, сенситивности, эмоциональности, уровня самообладания и контроля, обученности стратегиям поведения в стрессовых условиях. Совокупность таких свойств складывается в матрицу ресурсов, которая формирует индивидуальный профиль копинг-поведения в критических событиях.

При всем многообразии вариаций копинг-поведения R.S. Lazarus выделял два основных стиля. Первый (проблемно-ориентированный) обусловлен рационализацией ситуации, ее критическим анализом и поиском решения. Все это создает основу для продуктивного и эффективного поведения человека.

Второй (эмоционально-ориентированный) стиль характеризуется отсутствием конкретных действий в проблемной ситуации, трансформацией ресурсов в субъективные переживания, поиском делинквентных форм поведения для редукции эмоционального напряжения. Исследования К. Насано продемонстрировали, что активный проблемно-ориентированный стиль ведет к снижению симптомов напряжения, а эмоционально-ориентированный способствует их застою или росту [4].

V.J. Conway и D.J. Terry в своих работах показали, что индивидуальный профиль копинг-поведения не является жесткой и ригидной характеристикой. Одна и та же личность, в зависимости от специфики ситуации, возможности-невозможности ее контроля и преобразования, осуществляет выбор проблемно-ориентированных или эмоционально-ориентированных стратегий [5].

Не менее важны, помимо предлагаемых типологий стилей и паттернов поведения в критических ситуациях, исследования динамики развертывания процесса с выделением периодов и фаз. R.S. Lazarus предложил хронологическую модель копинг-поведения: в проблемной ситуации сначала возникает когнитивная оценка ситуации, а затем следует выбор копинга. При этом автор различает два вида когнитивной активности – первичную и вторичную. Первичная предполагает оценивание ситуации с позиции угрозы и вреда, вторичная – с позиции действия с учетом личностных установок, ценностей и целей. Далее следует самокопинг-поведение. К.Н. Wiedl и В. Schottner высказали похожую точку зрения. При этом они заметили важный феномен: когнитивная оценка выступает в качестве поляризующего фильтра. Он в одном случае, подобно контуре с отрицательной обратной связью, способен понизить значимость стрессорирующего фактора, а в другом, наоборот, повысить по траектории положительной обратной связи. Поэтому становится очевидной роль субъективной оценки ситуации и процесса субъективизации в переоценке величины и роли стимулов [6].

A. Bandura придавал большое значение личностным свойствам в когнитивной оценке событий. Вера в себя, настойчивость, инициативность, рискованность или их отсутствие определяют диапазоны и континуумы как первичной, так и вторичной когнитивной оценки. Все это формирует ресурс самоэффективности, или матрицу ресурсов, как было сказано выше [7].

На данный момент копинг-поведение чаще всего описывается через биокibernетическую модель С. Шенпфлюга [8]. Пара «человек – среда», согласно этой модели, находится во взаимно динамических отношениях. В более ранних моделях среда представлялась инертным образованием с набором разных стимулов. Человек (в зависимости от типа стимула) регулировал свое поведение, вырабатывая стереотипные стили. В биокibernетической модели предполагается обоюдное влияние среды и личности с разнообразным интерфейсом. При этом трансформирующаяся среда под влиянием личности задает новые вызовы для формирования новых типов ее регуляции в постоянной эволюции. Таким образом, копинг-поведение перестает быть однотипным, ригидным стилем личности, обогащается новыми адаптивными паттернами. Таким образом, копинг-поведение – это когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии, осуществляемые в условиях физической, психологической, личностной и

социальной угрозы и обеспечивающие успешную или менее успешную адаптацию.

В российской психологической науке проблема совладающего поведения разрабатывалась в трудах А.Л. Журавлева, Е.И. Рассказовой, Г.С. Корытова и др. [9–11].

Особый интерес представляет копинг-поведение людей, постоянно находящихся в условиях стресса, в частности профессионального. В исследованиях А.Н. Крутолевич отмечаются особенности совладающего поведения работников экстремальных профессий, в том числе пожарных-спасателей [12]. Копинг-стратегии, применяемые сотрудниками МЧС, могут формироваться еще до возникновения реальных стрессовых ситуаций, на которые они направлены, т. е., по сути, носить упреждающий характер. Формирование таких стратегий происходит в общем информационном поле профессиональной среды, созданной комплексом специальных норм и правил, кодексом профессиональной этики, специальными видами тренировок и занятий, результатами профессионального обучения.

Целью работы стало исследование копинг-поведения у пожарных-спасателей и определение особенностей профиля совладающих стратегий в зависимости от стажа профессиональной деятельности.

Гипотезой исследования послужило предположение, что у пожарных-спасателей с увеличением срока службы возрастает уровень навыков стресс-преодолевающего поведения, что отражается в формировании паттерна эффективного поведения в критических ситуациях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование выполнено в пожарных частях № 2–4 Федеральной противопожарной службы МЧС по Тверской области. В обследовании приняли участие 235 пожарных-спасателей мужского пола в возрасте от 25 до 45 лет со стажем работы от 1 до 22 года.

Все обследуемые были распределены по трем группам (в зависимости от стажа). Первая группа была представлена пожарными-спасателями со стажем от 1 до 6 лет в возрасте 24–30 года ($n = 80$). Этот период соответствует адаптации и овладению профессией. Во вторую группу объединили пожарных-спасателей со стажем 7–15 лет в возрасте 31–38 лет ($n = 69$). Данный этап характеризуется сформированным профессионализмом, обеспечивающим максимальную эффективность, устойчивость и надежность в работе. Третья группа была представлена пожарными-спасателями со стажем 16–22 лет в возрасте 39–45 лет ($n = 86$). Это период возможного профессионального «выгорания» и деструкций, когда могут проявляться дезадаптивные процессы, связанные с истощением ресурсов организма и возрастными изменениями [13]. Режим службы пожарных составлял цикл из одних рабочих и трех суток отдыха. Обследование проводилось в начале смены с 8:30 до 10:00 часов утра.

Стратегии и модели копинг-поведения респондентов изучали с помощью личностного опросника Strategic Approach to Coping Scale (SACS) (автор – S. Hobfoll) в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой [14]. Опросник состоит из 54 вопросов, предполагающих ответы, оцениваемые от 1 до 5 баллов, от полного несоответствия до полного соответствия поведению респондента.

Методика содержит девять шкал копинг-стратегий. В соответствии с ключом подсчитывали сумму баллов по каждой стратегии. Диапазон шкал варьировался от 6 до 30 баллов и предполагал соответствующие градации для интерпретации: 6–17 – низкий уровень; 18–22 – средний; 23–30 баллов – высокий. В итоге по убывающему градиенту баллов каждой стратегии выявляется индивидуальный профиль поведения в стрессовой ситуации с определением ведущих паттернов.

При математической обработке данных с помощью программы SPSS версии 22.0 (IBM) использовали дескриптивный анализ с расчетом среднего арифметического и стандартной ошибки среднего (в тексте $M \pm m$). Проверка распределения вариационных рядов на нормальность с применением критерия Колмогорова – Смирнова показала ее отсутствие. В силу этого межгрупповые различия изучали через сравнительный анализ, задействуя непараметрический критерий Краскела – Уоллиса с последующими апостериорными попарными сравнениями при помощи непараметрического критерия Манна – Уитни для независимых выборок с учетом поправки Бонферрони [15].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Модель стресс-преодолевающего поведения, согласно концепции S. Hobfoll, можно наложить на три оси поведения личности: просоциальное-асоциальное, активное-пассивное, прямое-непрямое поведение. Его методика содержит девять копинг-стратегий: ассертивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия, импульсивные действия, избегание, манипулятивные (непрямые) действия, асоциальные действия, агрессивные действия. По мнению автора, именно такое ранжирование определяет переход от эффективных к непродуктивным моделям стресс-преодолевающего поведения. Каждую из перечисленных стратегий можно наложить на три оси поведения человека.

Результаты исследования показали, что преимущественный выбор выпал на первые три стратегии преодоления стресса во всех трех группах.

Наиболее предпочтительной оказалась стратегия «вступление в социальный контакт» ($25,7 \pm 3,5$; $24,2 \pm 3,5$ и $25,9 \pm 3,8$ балла в каждой группе, что соответствует диапазону высоких значений 22–30 баллов). Это просоциальная эффективная стратегия. На второй позиции оказался копинг «поиск социальной поддержки» ($25,3 \pm 3,8$; $24,5 \pm 3,5$ и $25,8 \pm 2,7$ балла по группам). Это также просоциальная стратегия. Копинг «ассертивные действия», т. е. способность человека не зависеть от внешних влияний и оценок и самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него, оказался на третьем месте по предпочтению. В первой группе он набрал наибольшее количество баллов – $23,8 \pm 2,9$, далее $22,6 \pm 3,1$ балла (во второй) и $21,4 \pm 2,5$ (в третьей). Это активная модель преодолевающего поведения.

Модели поведения, в зависимости от степени конструктивности стратегии, могут способствовать или препятствовать успешности преодоления профессиональных стрессов, а также оказывать влияние на сохранение здоровья субъекта общения и труда. «Здоровое» преодоление является и активным, и просоциальным. Активное преодоление в совокупности с положительным использованием социальных ресурсов (контактов) повышает стрессоустойчивость человека.

По остальным стратегиям баллы распределились следующим образом: «осторожные действия» – по $21,5 \pm 1,5$ балла в группах; «импульсивные действия» – $17,3 \pm 2,1$; $18,7 \pm 1,9$ и $17,6 \pm 2,0$ балла; «избегание» – $11,9 \pm 1,1$; $15,7 \pm 1,8$ и $17,8 \pm 2,1$ балла; «манипулятивные (непрямые) действия» – $18,5 \pm 2,4$; $18,7 \pm 2,3$ и $19,6 \pm 2,5$ балла; «асоциальные действия» – $15,5 \pm 2,2$; $16,7 \pm 2,6$ и $16,5 \pm 2,8$ балла, «агрессивные действия» – $12,8 \pm 2,4$; $12,5 \pm 2,9$ и $13,7 \pm 2,0$ балла. При этом диапазон 14–21 балл является средним по шкале, меньше 14 – низким.

Сравнительный анализ выявил статистически значимые различия только по шкале «Избегание»: в первой группе вероятность использования этой пассивной асоциальной стратегии ниже, чем во второй и третьей группах ($p < 0,017$ с учетом поправки Бонферрони). По остальным шкалам выявлены лишь тренды к различиям.

Анализ индивидуальных показателей выявил, что в первой группе 41 % пожарных-спасателей (33 респондента) на первое место ставят стратегию «Вступление в социальный контакт», 29 % (23 респондента) – ассертивное поведение, 27 % (22 респондента) – «поиск социальной поддержки». Причем все эти копинги являются приоритетным выбором респондентов, обеспечивают активность и просоциальность поведения. При этом 3 % пожарных-спасателей (2 респондента) в качестве лидирующего копинга выбрали «осторожные действия».

Во второй и третьей группах, как и в первой, ни один респондент на первое место не поставил ассертивное поведение. Его ставили на дальние по рейтингу позиции и предпочитали вступление в социальный контакт (58 % пожарных-спасателей (40 респондентов) во второй и 53 % (46 респондентов) в третьей группах), поиск социальной поддержки (29 % респондентов (20 человек) и 26 % (22 человека) соответственно). Эта модель является просоциальной, но не обеспечивает активность. Обнаружено, что 13 % (9 респондентов) и 21 % (16 респондентов) указанных групп предпочитают пассивные копинги.

Таким образом, исследование показало, что использование сравнительного анализа предпочтения копинг-стратегий по среднегрупповым показателям каждой группы с учетом стажа работы является малоинформативным. Лишь по одной из девяти стратегий обнаружены статистически значимые различия. Такая ситуация, вероятно, обусловлена однородностью выборки респондентов, проходящих процедуру жесткого профессионального отбора. В таком случае представляется целесообразным в будущих работах использование не количественных данных (в работе они представлены непараметрическими рядами), а качественных (причем не номинальных, а порядковых).

Наибольшую ценность представляет дескриптивный анализ индивидуальных предпочтений копинг-стратегий.

Обнаружен, вопреки гипотезе, негативный тренд: с увеличением стажа работы выбор просоциальных и активных стратегий уменьшается, происходит возрастание доли пожарных-спасателей с пассивными паттернами стресс-преодолевающего поведения. Вероятно, такое распределение предпочитаемых стратегий, исключая активность и независимость в принятии решений у пожарных со стажем службы более 6 лет и до выслуги, обусловлены жесткой регламентированностью и иерархичностью системы силового ведомства МЧС,

а также нарастающими деструктивными явлениями усталости и профессиональных деформаций.

Ни у одного из респондентов не обнаружено в качестве приоритетной стратегии «Ассертивные действия», являющейся наиболее эффективной, продуктивной. Она предполагает самостоятельность и автономность поведения в преодолении стрессовой ситуации. В условиях жесткой командной профессиональной деятельности, вероятно, это было бы негативным фактором, поэтому при использовании опросника S. Hobfoll требуется делать определенную поправку на конкретную ситуацию.

Выявлено, что во всех группах частота применения асоциальной копинг-стратегии «Манипулятивные действия» соответствовала среднему уровню, что было достаточно неожиданным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Групповое исследование такого психологического феномена, как копинг-поведение в стрессовой ситуации необходимо проводить с обязательным учетом индивидуальных особенностей.

Несмотря на психологический отбор, определяющий высокий уровень стрессоустойчивости в качестве условия профессиональной пригодности, у пожарных-спасателей с увеличением стажа работы нарастают негативные явления в стресс-преодолевающем поведении. Для понимания факторов, обуславливающих это явление, в дальнейшем требуется оценить вклад возраста и профессиональных деформаций в качестве критериев конфаундеров. Следует рекомендовать психологической службе регионального ведомства учитывать результаты проведенного исследования в профилактической и реабилитационной работе.

Библиографический список

1. Murphy L. The widening world of childhood. New York: Basic Books, 1962.
2. Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. New York: Mc Grow-Hill, 1966. 173 p.
3. Lazarus R.S. Coping theory and research: past, present and future // Psychosomatic Medicine. 1993. № 55. P. 237–247.
4. Nakano K. Coping strategies and psychological symptoms in Japanese samples // Journal of Clinical Psychology. 1991. Vol. 47. Iss. 3. P. 346–350.
5. Conway V.J., Terry D.J. Appraised controllability as a moderator of the effectiveness of different coping strategies: a test of the goodness of fit hypothesis // Austral. J. Psychol. 1992. Vol. 44. № 1. P. 1–7.
6. Wiedl K.H., Schottner B. Coping with symptoms related to schizophrenia // Schizophrenia Bull. 1991. V. 17. № 3. P. 525–538.
7. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 191–215.
8. Набиуллина Р.Р., Тухтарова И.В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом: учеб. пособие. Казань: КГМА, 2003. 83 с.
9. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2011. 512 с.

10. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
11. Кобытова Г.С., Еремина Е.А. Защитно-совладающее поведение: ретроспективная реконструкция понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 3 (156). С. 42–48.
12. Крутолевич А.Н. Функциональный уровень психического и физического здоровья работников экстремальных служб // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 72. С. 163–166.
13. Климов Е.А. Пути в профессионализм (психологический взгляд): учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. М.: МПСИ; Флинта, 2003. 320 с.
14. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: учеб. пособие / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. С. 311–321.
15. Гржибовский А.М. Сравнение количественных данных трех и более независимых выборок с использованием программного обеспечения Statistica и SPSS: параметрические и непараметрические критерии // Наука и здравоохранение. 2016. № 4. С. 5–37.

FEATURES OF COPING BEHAVIOR OF FIREFIGHTERS-RESCUERS WITH DIFFERENT WORK EXPERIENCE

N.Y. Vlasenko

Tver State Technical University, Tver

The profile of preferred coping strategies in firefighters and rescuers was studied (depending on the length of professional experience). The survey involved 235 male fire and rescue workers aged 25 to 45 years, who were divided into three groups (1–6, 7–15 and 16–22 years of service). Using the personal questionnaire SACS (S. Hobfoll), preferences in choosing coping strategies were studied. It was found that the majority of firefighters and rescuers have prosocial and active strategies as priorities. Negative phenomena in overcoming stress and the proportion of people with passive behavior patterns were found to increase with increasing service life.

Keywords: coping strategies, stress coping behavior firefighters-rescuers, service, experience.

Об авторе:

Власенко Наталья Юрьевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: natalya_vlasenko@mail.ru

Author information:

Vlasenko Natalya Yurievna – PhD in Biology, Associate Professor of Department of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: natalya_vlasenko@mail.ru

УДК 378

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ПРОБЛЕМЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА

А.В. Макарова, Е.В. Лаптева

Оренбургский филиал Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова, г. Оренбург

© Макарова А.В., Лаптева Е.В., 2020
DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-67-71

Анализируется проблема трудоустройства студентов в период их обучения. Выявляются особенности, влияющие на выбор критериев при трудоустройстве у студентов. На основе проведенного социологического опроса устанавливается отношение студентов к рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: *трудоустройство, студенты, молодежь, работа.*

На сегодняшний день актуален вопрос трудоустройства студентов и выпускников вузов. Множество юношей и девушек при вступлении в самостоятельную жизнь и поиске профессии стремятся найти свое место в жизни, для самовыражения.

Поиск работы и трудоустройство студентов – кропотливый и серьезный труд, который требует полной отдачи сил, больших умений и навыков. Часто кадровые службы предприятия выбирают квалифицированных работников, имеющих опыт работы, поэтому студенты, получающие теоретические знания, но не обладающие опытом и практическими знаниями, не могут при трудоустройстве выдержать конкуренции [1].

Несовершенную форму на данный момент имеет интенсивное реформирование кадровой политики. У современной молодежи в связи с происходящими изменениями появилось больше способов интеграции в общество и возможностей, но это привело к выстраиванию барьеров, которые существенно ограничивают выполнение и усвоение ими социальных ролей. Иными словами, процесс социализации молодежи стал сложным и противоречивым.

К социально уязвимой категории населения во всех странах относят молодых людей, которые впервые пришли на рынок и не имеют профессии или достаточного уровня профессиональных навыков [3].

Учебу в вузе и оплачиваемую работу сочетают около трети студентов дневных отделений. В последние несколько лет данный показатель увеличился. Подобное совмещение реально обеспечивает будущее трудоустройство выпускников, что является преимуществом для студентов [2].

Объектом анкетного опроса являются студенты Оренбургского филиала Российского экономического университета (РЭУ) им. Г.В. Плеханова, предметом исследования – отношение студентов к проблеме трудоустройства. Метод сбора информации – анкетирование студентов по принципу выборочного опроса. Выборка производилась на основе возрастного критерия. Студенты (18–22 лет) находятся в трудоспособном возрасте. Вопросы для анкетирования составлялись на основе проблемных моментов с целью изучить, как же решить данную проблему.

Цель проведения выборочного обследования – изучение отношения студентов к проблеме трудоустройства. Место проведения исследования – г. Оренбург, Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Задачи исследования:

- 1) выяснить, совмещают ли студенты обучение и работу;
- 2) выявить, каковы их главные критерии при поиске работы;
- 3) выяснить, какими способами студенты пытаются найти работу;
- 4) выявить влияет ли экономическая ситуация на мнение студентов о трудоустройстве;
- 5) проанализировать, каково отношение молодежи к проблеме трудоустройства;

Основным инструментом исследования является анкета, состоящая из 10 вопросов (позволяет решить поставленные задачи). В анкетном опросе приняли участие 50 человек, т. е. 7 % от общего количества студентов, обучающихся в Оренбургском филиале РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Анализ результатов анкетного опроса показал, что на сегодняшний день более половины опрошенных студентов совмещают или собираются совмещать очное обучение и работу. На вопрос «собираетесь ли вы совмещать учебу и работу?» 71 % опрошенных ответил положительно, только 29 % – отрицательно.

Человек сам должен определять для себя, когда нужно начинать карьеру, а также самостоятельно расставлять приоритеты при выборе работы. В соответствии с этим в рамках анкеты был задан вопрос «наиболее значимым критерием при выборе работы для вас является ... (выберите не более трех)» (рис. 1). При анализе ответов было выявлено, что значимым для всех респондентов при выборе работы является уровень заработной платы. Второе место среди опрошенных занимает такой критерий, как карьерный рост (такой ответ дало 77,4 %). Удобный график также является значимым критерием для студентов (за данный вариант ответа свои голоса отдали 71 % опрошенных).

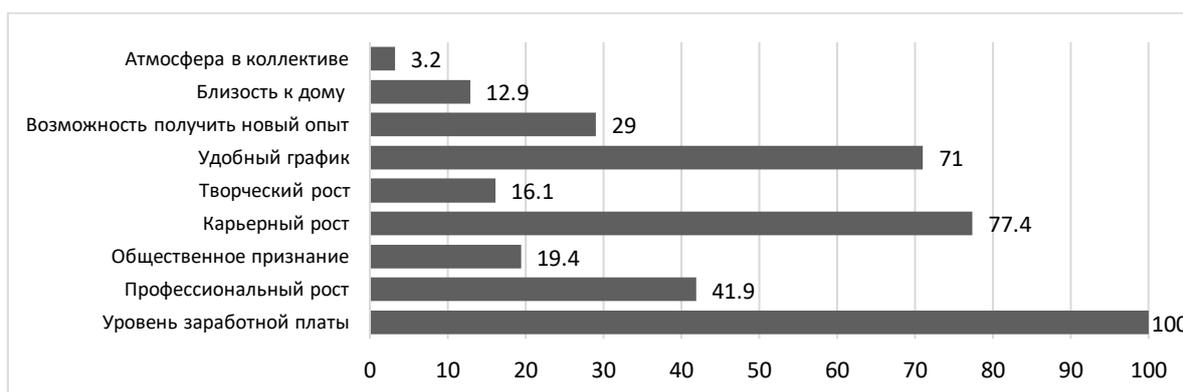

Рис. 1. Распределение ответов респондентов по поводу утверждения: наиболее значимым критерием при выборе работы для вас является... (выберите не более трех)

Такие критерии, как общественное признание, творческий рост, близость к дому и другие (см. рис. 1), выбрали меньше половины опрошенных. Исходя из

этого можно сделать вывод, что они не оказывают существенного воздействия на выбор работы для опрошенных студентов.

В анкете также был представлен вопрос «каким образом планируете (планировали) найти работу?», результаты ответов на который представлены на рис. 2.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: каким образом планируете (планировали) найти работу

Из диаграммы (см. рис. 2) видно, что наиболее популярными способами поиска работы являются следующие: с помощью друзей, родственников и знакомых – 26 % опрошиваемых респондентов; через рекламу и СМИ – 26 %; через непосредственное обращение к работодателю – 26 %. На остальные варианты приходится 25 % ответов. Стоит отметить, что воспользоваться (пользовались) поиском работы через службу занятости лишь 7 % респондентов.

В анкете также было предложено задание, где студенты должны были отметить, насколько они согласны с предложенным высказыванием. Так, с высказыванием «молодежь должна получать опыт волонтерской работы» полностью согласны лишь 26 % (рис. 3).

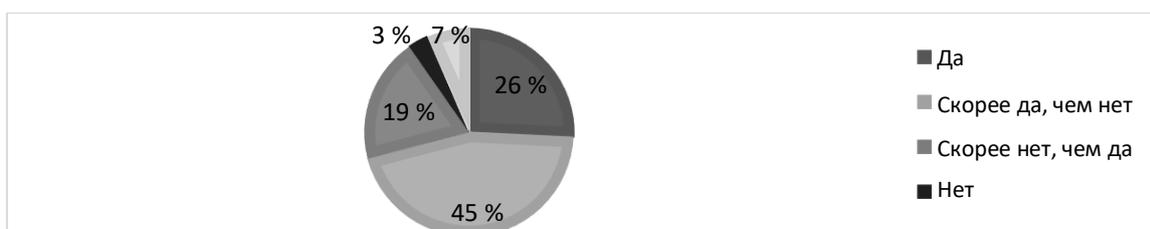

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: насколько вы согласны с предложенным высказыванием «молодежь должна получать опыт волонтерской работы»

Ответ «больше согласны, чем нет» выбрали 45 % опрошиваемых (тех, кто согласен с высказыванием, оказалось большинство). 21 % считает данное высказывание неверным или не до конца правильным. Только 7 % не смогли ответить на этот вопрос.

Результаты ответов на следующий предложенный вопрос иллюстрирует рис. 4. Как можно видеть, большинство опрошенных, а именно 97 % респондентов, полностью или частично согласны с высказыванием, т. е. 68 % выб-

рали ответ «да», 29 % – «скорее да, чем нет» и лишь 3 % выбрали вариант «скорее нет, чем да».

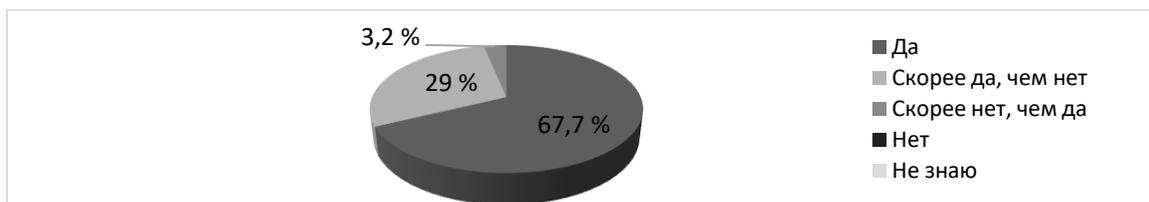

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: насколько вы согласны с предложенным высказыванием «предприятия и организации должны уже заранее готовить для себя специалистов, пока они еще учатся в вузах – брать их на практику, проводить дополнительные занятия и т. д. (“выращивать кадры”)

Результаты опроса по третьему высказыванию представлены на рис. 5. С данным утверждением согласны лишь 9,7 % респондентов. 32,3 % выбрали ответ «скорее да, чем нет». Большая часть не согласна совсем или частично с данным высказыванием: 35,5 % ответили «скорее нет, чем да»; 22,5 % – «нет».

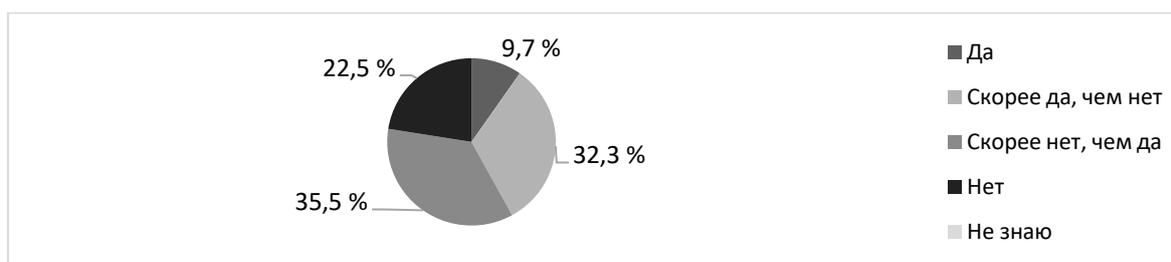

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: насколько вы согласны с предложенным высказыванием «хорошие оценки в дипломе влияют на успешное трудоустройство»

По результатам ответов на последний вопрос анкеты можно проследить мнение респондентов о степени влияния сложившейся экономической ситуации на трудоустройство молодежи: 61,3 % выбрали ответ «да»; 29 % – «скорее да, чем нет»; 6,5 % – «скорее нет, чем да»; 3,2 % – «нет» (рис. 6).

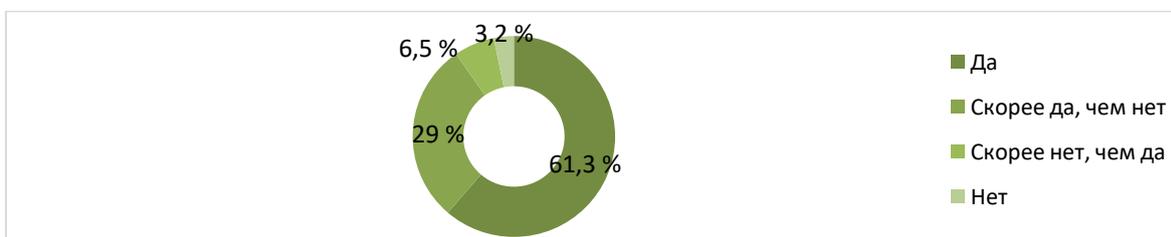

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: насколько вы согласны с предложенным высказыванием «сложившаяся экономическая ситуация влияет на трудоустройство молодежи»

Можно сделать вывод, что студенты, обучающиеся на очной форме обучения, хотят совмещать ее с работой и активно ищут для себя рабочее место, но главным критерием является заработная плата. Поиск работы они осуществляют самостоятельно (не обращаются в службы занятости). Отметим, что оценки, по мнению респондентов, не влияют на трудоустройство и предприятия должны сами готовить для себя специалистов. Тема трудоустройства студентов и их отношения к работе является острой, актуальной, поскольку формирование карьерной стратегии в самом начале карьеры представляется не только одним из существенных факторов последующей трудовой деятельности, но и основой всей жизни.

Библиографический список

1. Золотова Л.В., Лаптева Е.В., Портнова Л.В. Статистическая оценка влияния сберегательного поведения населения на современное состояние банковского сектора // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6–3 (59). С. 53–59.
2. Золотова Л.В., Лаптева Е.В., Портнова Л.В. Экономико-статистический анализ основных макроэкономических показателей развития банковского сектора России и оценка степени их влияния на уровень экономической активности населения // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 6–4 (52). С. 78–83.
3. Lapteva E.V., Ananyev D.N. Statistical examination of banking system state in Russia: tendencies and projected growth // Materials of the I International Conference. 2013. P. 139–147.

ATTITUDE OF STUDENTS TO THE PROBLEM OF EMPLOYMENT

A.V. Makarova, E.V. Lapteva

Orenburg branch of Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg

The article analyzes the problem of student employment during the period of their education. The peculiarities influencing the choice of criteria for employment among students are revealed. On the basis of a sociological survey, the attitude of students to the problem under consideration is revealed.

Keywords: *employment, students, youth, work.*

Об авторах:

Макарова Алена Викторовна – студентка Оренбургского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Оренбург, Россия. E-mail: makarova-alena99@mail.ru

Лаптева Елена Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансов и менеджмента Оренбургского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: lapa1984@inbox.ru

Authors information:

Makarova Alena Victorovna – student of the Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg. E-mail: anifa.jafarova@mail.ru

Lapteva Elena Vladimirovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Head of Department of Finance and Management, Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: lapa1984@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.24

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ РЕГИОНА, ВЛИЯЮЩИЕ НА УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

О.С. Лазарева, А.А. Артемьев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Лазарева О.С., Артемьев А.А., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-72-78

В статье рассматриваются организационно-экономические проблемы управления земельными ресурсами и использования земель в современных условиях хозяйствования. На примере Тверской области исследованы качественные и количественные изменения земельного фонда в условиях формирования многоукладной экономики. Определены и конкретизированы наиболее существенные проблемы управления земельными ресурсами на уровне государства и региона в условиях формирования устойчивого развития землепользования и предложены направления по их решению.

Ключевые слова: *проблемы, земельные ресурсы, управление, землепользование, устойчивое развитие.*

Одним из важных показателей, характеризующих развитие любой территории, от сельского поселения и до государства, является устойчивость. В современных условиях устойчивое развитие территории должно опираться на процесс взаимодействия имеющихся естественных (земельных, природных и других ресурсов и факторов), а также приобретенных преимуществ (действенных систем управления, современных информационных технологий, средств сбора и обработки информации и иных разработанных в ходе развития территории структур и технологий), а также благоприятной среды обитания. Иными словами, устойчивое развитие территории можно представить как сумму следующих слагаемых: природные ресурсы + экономика + экология. Можно сделать вывод, что устойчивость развития территорий невозможна без рационального использования земли как основного фактора жизнеобеспечения. Поэтому все социально-экономические реформы в истории России и других стран затрагивают социально-экономические и правовые аспекты землепользования. Успех реформ определяется прежде всего степенью эффективности управления, направленного на разрешение возникающих в ходе общественного развития земельных и тесно связанных с ними проблем. Следовательно, создание условий для развития устойчивого землепользования – одна из основных целей государственного, муниципального и корпоративного управления. Необходимо также отметить, что практическая реализация концепции устойчивого развития национальной экономики опирается на стабильное развитие региональных социально-экономических систем, что в свою очередь подразумевает решение вопросов результативного управления региональными земельными ресурсами как одного из важнейших объектов управления.

Рассмотрим изменения в динамике качественных и количественных характеристик земельных ресурсов, расположенных на территории Тверского региона. Сведения о количественных изменениях земельных ресурсов представлены в таблице [6].

Динамика распределения земель по категориям и угодьям в Тверской области за период с 1991 по 2017 гг., тыс. га

Категория	Состояние на 1 января				2017 +/- к 1991
	1991	2015	2016	2017	
Земли сельскохозяйственного назначения	5 325,0	2 575,9	2 575,7	2 575,4	-2 749,6
Земли населенных пунктов	65,3	409,6	410,7	410,9	+345,6
Земли промышленности и иного специального назначения	192,8	119,7	120,1	120,5	-72,3
Земли особо охраняемых территорий и объектов	21,4	81,6		81,6	+60,2
Земли лесного фонда	2 594,1	4 832,9		4832,6	+2 238,5
Земли водного фонда	36,0	174,6			+138,6
Земли запаса	185,5	225,8	224,5		+39,0
Итого	8 420,1				-

Как следует из данных, представленных в таблице, в Тверском регионе наблюдается сокращение земель сельскохозяйственного назначения (в исследуемом периоде – на 2 749,6 тыс. га) при одновременном росте земель населенных пунктов (+345,6 тыс. га), лесного (+2 238,5 тыс. га) и водного фондов (+138,6 тыс. га). Обозначенная тенденция свидетельствует о неэффективности использования наиболее ценной категории земель, а именно земель сельскохозяйственного назначения, перевода их в категорию земель лесного и водного фондов из-за зарастания древесной растительностью и затопления. Кроме того, значительное количество земель сельскохозяйственного назначения либо не используется вовсе, либо используется неэффективно. Состояние сельскохозяйственных угодий по-прежнему ухудшается, так как культурно-технические работы на большей площади практически не проводятся. Зарастание угодий не только ведет к количественному уменьшению площадей кормовых угодий, но и оказывает отрицательное воздействие на качественные изменения травостоя лугов и пастбищ. Необходимо отметить наличие на землях сельскохозяйственного назначения эрозийных процессов.

В категории земель сельскохозяйственного назначения учтено 250,8 тыс. га осушаемых и 5,1 тыс. га орошаемых мелиорированных земель (сельскохозяйственных угодий). В настоящее время 191,2 тыс. га осушаемых и 1,5 тыс. га орошаемых земель находятся в неудовлетворительном состоянии, поэтому требуется улучшение состояния земель и повышение технического уровня мелиоративных систем.

Необходимо отметить, что часто земли являются средством вложения и сохранения капитала, а не средством производства и предоставляются лицам, не имеющим надлежащих компетенций по использованию земель.

В Тверском регионе, как и в большинстве регионов России, в результате производственной деятельности предприятий (в том числе коммунального хозяйства), автотранспорта, эксплуатации мест размещения отходов изменяется санитарное состояние почвы. Это, в свою очередь, вызывает загрязнение химическими веществами открытых водоемов, подземных водоносных горизонтов, атмосферного воздуха, растениеводческой продукции, кормов животных, что сказывается на здоровье населения.

В 2017 г. на территории Тверской области проводились исследования почвы по микробиологическим, паразитологическим, санитарно-химическим показателям. Всего было исследовано 4 329 проб почвы. В 2017 г. удельный вес проб, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям на всей исследуемой территории, составил 1,4 % (в 2015 г. – 0,6 %, 2016 – 0,5 %), т. е. в регионе наблюдается рост антропогенной нагрузки на окружающую среду [7].

Увеличение негативного воздействия на окружающую среду (особенно на земельные ресурсы) можно объяснить тем, что в настоящее время в стране отсутствует целостная система управления земельными ресурсами. Соответствующие функции управления распределены между различными органами власти (Минсельхозом РФ, Минприроды РФ, Министерством экономического развития РФ и др.), что препятствует достижению системности и синергетического эффекта. В начале 90-х гг. XX в. вопросами управления земель занималось Министерство по земельным ресурсам, затем для этих целей был создан специальный государственный комитет. На сегодняшний день вопросами использования сельскохозяйственных земель занимаются одиннадцать министерств и ведомств. Так, Минэкономразвития РФ отвечает за кадастровую стоимость земли и ведение Единого государственного реестра недвижимости; Минсельхоз – за оперативный учет земель сельскохозяйственного назначения; Министерство экологии и природопользования – за экологический надзор [1]. Следовательно, необходимо создать единый государственный орган, который будет заниматься всеми вопросами, связанными с управлением земельными ресурсами страны (особенно землями сельскохозяйственного назначения, которые представляют наибольшую ценность). При этом чем быстрее появится такой орган, тем лучше. Необходимо также четко распределить обязанности по вопросам земельного управления между федеральным центром, регионами и муниципалитетами.

Считаем целесообразным для повышения эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения собственниками внести в Налоговый кодекс РФ изменения, а именно применение повышенной налоговой ставки в случае выявления контрольно-надзорными органами соответствующих уровней управления фактов неиспользования по назначению (или нецелевого использования) участков земель сельскохозяйственного назначения (например, 1,5 % от кадастровой стоимости земли вместо взимаемых 0,3 %). Это позволит решить вопрос с рейдерством особо привлекательных с экономической точки зрения земель, использованием земель сельскохозяйственного назначения как средства для вложения капитала и т. п.

Кроме того, в настоящее время не развита подсистема контроля и надзора за использованием земель. Об этом свидетельствует тот факт, что многие

постановления о привлечении к административной ответственности отменяются в судах по причине нарушения процедуры и сроков привлечения к ответственности, что говорит о невысокой квалификации государственных и муниципальных земельных инспекторов. Следовательно, необходимо дополнительное (а в последующем непрерывное) обучение специалистов, осуществляющих обозначенные функции [3].

Необходимо отметить, что в последние годы государством предприняты определенные меры, направленные на совершенствование государственного земельного надзора. Например, в 2015 г. фактически был создан новый инструмент, призванный повысить эффективность государственного земельного надзора, – административное обследование объектов земельных отношений. Однако из-за сокращения общего числа государственных инспекторов значительного улучшения ситуации с неправомерным поведением землепользователей данное нововведение не произошло. Следовательно, для решения проблемы необходим пересмотр методов государственного земельного надзора, например более широкое использования технических средств для осуществления надзора, что требует соответствующего законодательного закрепления на федеральном уровне. Отдельно следует отметить проблемы, возникающие при проведении муниципального земельного контроля за использованием земель. Как правило, именно на муниципальном уровне имеются наиболее низкие показатели эффективности реализации земельного контроля [6]. Можно выделить следующие причины сложившейся ситуации: 1) отсутствие во многих городских и сельских поселениях соответствующих органов земельного контроля; 2) отсутствие, как правило, в органах муниципального земельного контроля инспекторов, которые были бы освобождены от исполнения иных обязанностей; 3) недостаточное для организации эффективного контроля число проверок, включаемых в планы проведения земельного контроля; 4) отсутствие финансовой заинтересованности в проведении земельного контроля на муниципальном уровне.

В свою очередь, дальнейшее ослабление муниципального земельного контроля может привести к росту числа земельных правонарушений. Следовательно, для дальнейшего повышения эффективности муниципального земельного контроля необходимо в каждом муниципальном образовании иметь в штате соответствующих инспекторов, а начисленные штрафы в полном размере направлять в муниципальный бюджет.

Отметим, что размер штрафов за нарушение законодательства, регулирующего земельно-имущественные отношения, по-прежнему нельзя считать эффективным стимулом правомерного поведения субъектами земельно-имущественных отношений. При этом исключительно неправильным представляется исчисление штрафов без учета размера соответствующего земельного участка, т. е. самовольное занятие одной сотки и 100 га не должно наказываться одинаково. Устранение данного недостатка должно осуществляться посредством внесения соответствующих поправок в законодательство об административных правонарушениях.

«Размытость» системы управления земельными ресурсами привела к отсутствию также всестороннего мониторинга качественного состава земель как сельскохозяйственного назначения, так и иных категорий. Нехватка полноценных, достоверных, оперативных данных о качественном состоянии земель препятст-

вует установлению объективной кадастровой стоимости и, соответственно, установлению справедливой системы налогообложения.

В качестве одной из причин ненадлежащего мониторинга земель можно назвать отсутствие в цифровом формате соответствующих карт освоенности территорий, которые бы содержали самую актуальную информацию. Наличие оперативной информации (особенно по землям сельскохозяйственного назначения, так как постоянно происходит изменение посевных площадей и плодородия почв) является крайне важным. Оперативность получения данной информации имеет ключевое значение для повышения эффективности управления землями, принятия обоснованных управленческих решений всеми заинтересованными субъектами земельно-имущественных отношений [4; 5].

Необходимо также отметить, что во многих субъектах РФ топографические карты не обновлялись с 1980–1990-х гг. В последние годы состояние ландшафта существенно изменилось (особенно в интенсивно развивающихся регионах), а централизованное обновление карт происходит медленно. Отсутствие актуальной картографической базы не позволяет эффективно осуществлять мониторинг земель. При этом решение обозначенной проблемы без активного государственного участия (в том числе по долевному финансированию, поддержке и контролю за процессом создания актуальной картографической основы на основе применения современных геоинформационных систем) на современном этапе представляется невозможным [2].

Многие специалисты, занимающиеся проблемами развития кадастра недвижимости, убеждены, что современная система учета как земель, так и иных объектов недвижимости, а также всего, что находится под землей или неразрывно с ней связано, неполноценна и не содержит необходимой информации, которая позволяла бы принять эффективные управленческие решения. Это объясняется тем, что в настоящее время не проработана количественная и качественная насыщенность информации кадастра недвижимости. Последствием является отсутствие в распоряжении органов государственной власти и местного самоуправления, а также у корпоративных структур достаточной, всеобъемлющей информации о землях различных категорий и о наиболее эффективном их использовании для принятия управленческих решений как на текущий момент, так и при составлении долгосрочных программ территориального развития.

Проведенные исследования позволяют сделать ряд выводов. В настоящее время в РФ отсутствует восприятие земельных ресурсов как единого, целостного объекта управления. Выделение из его состава земель сельскохозяйственного назначения как отдельного объекта управления влечет за собой разрозненность и несогласованность сведений о землях разных категорий. Это относится не к конкретному региону, а к общегосударственной системе управления земельными ресурсами.

Проблема разрозненности информации о земельных ресурсах не нова, но в настоящее время особенно актуальна, так как в эпоху цифровой экономики существует потребность не только оперативно собирать, хранить и обрабатывать совокупность данных в соответствующих информационных системах, но и интерпретировать их, когда возникает необходимость в принятии того или иного решения.

На сегодняшний момент главным информационным источником о земельных ресурсах (земельных участках) и объектах недвижимости является база данных Росреестра. Однако возможность получить эту информацию ограничена. В открытом доступе имеются сведения о земельных участках, представленных только на публичной кадастровой карте. При этом отражаемая информация не является исчерпывающей, отсутствуют актуальные сведения о состоянии и использовании земель. Земельные ресурсы представлены в виде земельных участков, позиционируются как объект недвижимости, т. е. данные сводятся к кадастровой информации, а это означает отсутствие всеобъемлющих сведений, позволяющих осуществить комплексный анализ эффективности использования конкретной территории.

Кроме того, информационное обеспечение не должно ограничиваться только сбором и хранением информации. Поскольку информация о земельных ресурсах отличается от любой другой (например, от информации в банковской сфере) и имеет четкую географическую интерпретацию, то и восприятие ее тоже отличается. Для анализа состояния земель в динамике необходимо использовать геоинформационную систему, позволяющую представить данные как в графическом (карты), так и в атрибутивном виде (таблицы). На сегодняшний день обработка и анализ этих данных частично осуществляются только в рамках отчетов либо докладов о состоянии и использовании земель без визуальной интерпретации информации. Эта интерпретация позволила бы значительно повысить эффективность принятия управленческих решений.

Неэффективное управление земельными ресурсами (отсутствие соответствующей современным требованиям системы управления, эффективного стимулирования контрольно-надзорных органов, надлежащего кадрового обеспечения и актуальных информационных баз данных) может привести к ускорению процессов деградации земель, а именно эрозии, опустыниванию, зарастанию, а также другим негативным процессам в связи как с природным, так и антропогенным воздействием.

Отметим, что в настоящее время существует потребность в преобразовании всей системы управления (в модернизации органов, участвующих в управлении земельными ресурсами, развитии информационного обеспечения).

Библиографический список

1. Артемьев А.А., Лазарева О.С. Применение геоинформационных систем в современных условиях: основные достоинства и перспективы развития // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2016. № 2. С. 231–239.
2. Экология землепользования: учебное пособие / В.В. Вершинин, А.А. Мурашева, А.В. Шуравилин, В.А. Широкова, А.О. Хуторова. М.: Нобель Пресс, 2015. Ч. 1. 217 с.
3. Волков С.Н., Хлыстун В.Н. Актуализация системы управления земельными ресурсами агропромышленного комплекса // Международный сельскохозяйственный журнал. 2018. № 6 (366). С. 5–7.
4. Лазарева О.С., Ефимов И.Д. Мониторинг земель: оценка состояния и использования земельных ресурсов Тверской области // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2010. № 9. С. 72–79.

5. Лазарева О.С., Лазарев О.Е. Основные информационные источники в системе регионального управления земельными ресурсами // Теоретические исследования и экспериментальные разработки студентов и аспирантов ТвГТУ: сборник материалов научно-практической конференции, приуроченной ко Дню российской науки. Тверь: ТвГТУ, 2017. С. 117–120.
6. Кравченко М.Н., Хаметов Т.И. Проблемы управления земельными ресурсами Пензенской области // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2019. № 4 (23). С. 217–223.
7. Региональный доклад о состоянии и использовании земель в Тверской области за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosreestr.ru/site/open-service/statistika-i-analitika/regionalnyu-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-tverskoy-oblasti-za-2018-god> (дата обращения: 01.10.2020).

PROBLEMS OF REGIONAL LAND MANAGEMENT AFFECTING THE SUSTAINABILITY OF LAND USE DEVELOPMENT

O.S. Lazareva, A.A. Artemyev

Tver State Technical University, Tver

The article deals with organizational and economic problems of land management and land use in modern economic conditions. Qualitative and quantitative changes in the land Fund under the conditions of formation of a multi-layered economy are studied on the example of the Tver region. The most significant problems of land management at the state and regional level in the context of sustainable land use development are identified and specified, and directions for their solution are proposed.

Keywords: *problems, land resources, management, land use, sustainable development.*

Об авторах:

Лазарева Оксана Сергеевна – старший преподаватель кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь, Россия. E-mail: lazos_tvgu@mail.ru

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой геодезии и кадастра, проректор по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь, Россия. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Authors information:

Lazareva Oksana Sergeevna – Senior Lecturer of Department of Geodesy and Cadaster of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: lazos_tvgu@mail.ru

Artemyev Alexey Anatolyevich – PhD (Economical Science), Professor, the Vice Rector of Scientific and Innovative Activity of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: aaartemev@rambler.ru

УДК 658:004

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ АНАЛИЗА ДАННЫХ В ЭКОНОМИКЕ

А.Н. Бородулин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Бородулин А.Н., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-79-84

В статье рассматриваются основные тенденции развития программного обеспечения в сфере бизнес-анализа. Выявлены перспективные направления использования программных средств аналитической обработки экономических данных последних лет. Обоснованы пути решения проблем в системе информационного обеспечения деятельности компаний, вызванных пандемией и глобальным экономическим кризисом.

Ключевые слова: аналитика данных, экономические системы, экономические процессы, информационные технологии.

Программные средства, предназначенные для аналитической обработки данных, в настоящее время представляют собой отдельный класс программного обеспечения и широко применяются в самых разных прикладных областях: экономике, социологии, технике, медицине и др.

Аналитические инструменты появились еще в начале 70-х гг. XX в. Они тесно связаны с концепцией Business Intelligence (BI). Сфера применения подобных систем в российской практике обозначается терминами «бизнес-аналитика» или «аналитика данных», поэтому специалистов из этой области называют аналитиками или специалистами по изучению данных (data scientist).

В самом общем виде концепцию применения современных BI-технологий для решения аналитических задач можно представить в виде последовательности информационных процессов:

1) загрузка данных из различных источников, как правило, существенно отличающихся друг от друга форматами представления информации, периодичностью обновления, регламентом доступа и др.;

2) так называемая «очистка» данных, т. е. приведение их в автоматизированном режиме к общей структуре, удаление взаимоисключающей и дублирующейся информации, настройка логических связей и т. д.;

3) агрегирование данных на основе многомерных структур с поддержкой OLAP-технологий (Online Analytical Processing) в рамках как единых крупных хранилищ данных, так и распределенных вычислительных систем;

4) организация работы пользователей с использованием классических поисковых и расчетно-статистических инструментов, а также с привлечением средств выявления зависимостей и извлечения знаний на основе технологий Data Mining и возможностей искусственного интеллекта;

5) применение широкого спектра технологических приемов визуализации данных на основе многоуровневых отчетов, информационных панелей (dashboards), интерактивной презентационной графики и мультимедийных средств.

Конкретная реализация приведенных процессов обработки информации определяется в значительной степени особенностями программного обеспечения. При этом широкий круг решаемых задач и высокая динамика развития данного вида программных средств не позволяют создать строгую их классификацию.

На современном рынке существуют как отдельные BI-решения, так и инструменты для их самостоятельной разработки. Но, как правило, крупными разработчиками предлагаются решения в виде так называемых «наборов» аналитических инструментов (Enterprise BI Suites, или EBIS).

Неоспоримым преимуществом при проведении серьезных аналитических исследований выступает возможность быстрой загрузки и «очистки» данных из широкого круга источников. В реальной экономической практике для многих (особенно крупных и средних) компаний основными такими источниками выступают собственные корпоративные информационные системы. В результате значительная часть пользователей разумно ориентируются на BI-решения от поставщиков мощных ERP-систем (Enterprise Resource Planning) для комплексной информатизации работы предприятий.

Ведущими поставщиками систем бизнес-аналитики зачастую выступают мировые лидеры рынка в области корпоративных баз данных: Microsoft, Oracle, SAP, IBM. Между тем наибольшую динамику продаж закономерно показывают компании-разработчики, ориентированные на самый широкий круг потребителей, с относительно недорогими BI-инструментами, но максимально приближенными к потребностям мелких и средних компаний (Qlik, Tableau Software, Tibco Software и др.) [6].

Рынок отечественных разработчиков средств бизнес-аналитики также постоянно развивается. По данным [1], совокупная выручка 15 наиболее крупных российских компаний – поставщиков комплексных BI-решений в 2019 г. выросла на 85 % и превысила 21 млрд рублей.

В 2020 г. российский рынок бизнес-аналитики, несмотря на существенные коррективы, внесенные пандемией коронавируса, тем не менее продолжил свой рост. На фоне приостановки части проектов из-за вынужденного карантина многие заказчики форсируют усилия в направлении развития своих BI-платформ. Негативное влияние пандемии и ожидание глобального спада в экономике только усиливают интерес к аналитике в тех компаниях, где работа с данными имеет высокий коммерческий потенциал за счет привлечения новых клиентов, увеличения вторичных продаж, сокращения затрат [6].

В качестве уточняющих сферы и объект приложения BI-инструментов часто выступают так называемые «большие данные» (Big Data). Четкую грань на практике, где классические статистические исследования или применение технологий искусственного интеллекта к обработке слабоструктурированной информации переходят к по-настоящему большим наборам данных, обозначить трудно.

Однако если не сосредотачивать внимание на явно рекламном характере использования терминологии в сфере Big Data, можно четко проследить тенденцию широкого привлечения к аналитической обработке в современных экономических исследованиях множества ресурсов телеметрических систем и глобальных информационных сетей. Так, все чаще находят применение, кроме классических источников экономической информации (маркетинговых исследований, отчетов финансовых служб), данные об активности клиентов в социальных сетях, телеметрические сведения от мобильных операторов, информация от логистических компаний и ритейлеров.

Вместе с тем практика последних лет показала, что даже банковский сектор, способный мобилизовать на обработку «настоящих» больших данных серьезные технологические мощности, сталкивается с невысокой эффективностью полученных результатов и существенными законодательными ограничениями. Так, более-менее успешными в российской финансово-кредитной сфере становятся только проекты в области Big Data, ориентированные на инвестиционный бизнес и торговое финансирование.

Следует также упомянуть хоть и постоянный, но относительно небольшой рост реально завершенных проектов использования систем искусственного интеллекта в современном банкинге. Как и во всем мире, в России уже несколько лет применение роботизированных систем взаимодействия с клиентами не затрагивает более 12–13 % от общего числа решаемых задач [5].

В качестве возможного выхода из положения многие специалисты видят так называемую демократизацию данных и рост возможностей инструментов Self-service BI (буквально переводится как «системы BI-самообслуживания»).

Пока широкое применение интеллектуальных средств обработки данных сдерживается техническими и экономическими факторами, нарастить аналитический потенциал во многих компаниях возможно путем максимального распространения BI-решений на всех уровнях управления и вовлечения в него самого широкого круга сотрудников [4; 6].

Отличительные черты Self-service BI-систем:

1) ориентация на простой, подобный используемому в интернет-поисковиках интерфейс запросов. Он помогает плохо подготовленным пользователям не только быстро (чаще всего на естественном языке) формулировать запросы, но и последовательно самим находить логические связи и скрытые зависимости в решаемой задаче;

2) возможность самостоятельной разработки новых, нетипичных моделей анализа данных (в том числе и неопределенной природы) на основе уже давно существующего функционала Data Discovery. Последняя технология предоставляет пользователю интерактивный графический интерфейс, основанный на архитектуре работы приложений in-memory, и максимально адаптирована под быстрые и простые запросы к BI-системам;

3) серьезный синергетический эффект в продуктивности аналитической обработки информации, который достигается за счет упрощения процессов взаимодействия и обмена решениями с коллегами, занимающимися параллельными или уточняющими исследованиями данных. Ориентация как на специализированные приложения и интернет-сервисы для организации совместной работы, так и на встроенные инструменты позволяет Self-service BI-решениям более гибко использовать весь аналитический потенциал коллектива компании и максимально достигать настоящей демократизации работы с данными.

При рассмотрении вопроса о широте вовлечения персонала компаний в процессы бизнес-анализа, нельзя не сказать о взаимодействии специализированных BI-систем с максимально доступными и повсеместно распространенными решениями по обработке данных на основе электронных таблиц. В качестве последних выступают как классический MS Excel и его аналоги, так и получившие в последние десятилетия популярность интернет-сервисы (например, Google Spreadsheets).

В качестве основных недостатков технологий аналитической обработки информации на основе электронных таблиц выступают следующие:

1) сильное падение производительности при решении задач на основе больших объемов данных;

2) низкий уровень коммуникации в крупных проектах ввиду трудности передачи логики расчетов и знаний сотрудников, заложенных в многочисленные формулы и внутренние инструменты электронных таблиц;

3) трудности с протоколированием при разработке сложных решений, что побуждает пользователей к использованию собственных правил и допущений и приводит к частым разночтениям в передаваемых данных и получаемых результатах;

4) большая вероятность ошибок при агрегировании данных из большого числа таблиц, содержащих множество логически и исторически связанных, но на практике часто не коррелирующих данных.

Поставщики специализированных BI-систем всегда акцентируют внимание на том, что их продукты устраняют вышеназванные недостатки. Между тем в стороне, как правило, остается тот факт, что внести изменения в решения, принятые с применением классических инструментов бизнес-анализа, значительно сложнее, чем зафиксированные с помощью электронных таблиц.

Конечно, именно методически более правильные процессы загрузки новых данных, их связывания с уже существующей информацией, изменения формул расчетов на основании установленных протоколов и отличают устойчивый к ошибкам подход BI-платформ. Но в то же время на практике часто возникают ситуации, когда в первую очередь важно время, затраченное на внесение изменений, а не их методическое обеспечение.

Стремление поставщиков профессиональных BI-инструментов предложить на рынке гибкие и имеющие низкий «уровень вхождения» для пользователей программные решения неминуемо сталкивается с возможной перспективой превратить со временем свои системы бизнес-аналитики в подобие табличных

процессоров. Поэтому и разработчики, и специалисты по анализу данных в последние годы все чаще выдвигают компромиссные предложения [2]. Суть их сводится к тому, что всегда существуют независимо от масштаба решаемых задач и размера компаний процессы, которые обладают большой гибкостью, динамикой и низкой стоимостью ошибок (по сравнению с ценой их устранения). Причем это относится и к персональной аналитике, в которой заинтересован отдельный сотрудник, и к итогам бизнес-анализа, получаемым персоналом больших корпораций. В результате наибольший эффект от использования и специализированных BI-решений, и традиционных табличных технологий анализа достигается в компаниях, сумевших гармонично учесть как выгоды от методически более строгих подходов к аналитике, так и преимущества от гибких, легко адаптируемых решений. А вопрос о выборе конкретного инструмента определяется прежде всего решаемой задачей, а не масштабом или финансовыми и технологическими ресурсами организации.

Следует отметить, что кризисные явления, происходящие в мировой и российской экономике на фоне пандемии коронавируса в 2020 г., могут существенно изменить положение на рынке бизнес-аналитики [3; 6].

В споре как отдельных разработчиков, так и пользователей BI-решений о преимуществах используемых инструментов или моделей обработки данных серьезным аргументом может стать сложная ситуация 2020 г. Многие компании столкнулись не только с чисто экономическими проблемами, но и с существенным падением ценности и достоверности накопленных за многие годы аналитических данных.

Большинство статистических методов, средств интеллектуального поиска оказалось совершенно не эффективным. На первый план вышла необходимость быстрой реакции на вновь складывающуюся на рынке ситуацию. В этой связи наиболее востребованными становятся инструменты, ориентированные не на хорошо структурированные и много раз согласованные отчеты поставщиков, а на обзоры конкретных конечных пользователей в социальных сетях и на специализированных сайтах.

Кроме того, острым становится вопрос о налаживании эффективного взаимодействия профессиональных средств бизнес-аналитики, способных к методически строгой обработке данных, и быстрых решений на основе Self-service BI и даже электронных процессоров, адаптированных для широкого круга пользователей и предназначенных для быстрой разработки решений.

Библиографический список

1. Аналитика 3.0 – 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/reviews/analitika_30_2020 (дата обращения: 30.10.2020).
2. Вахмянин И. Excelvs бизнес-аналитика // Открытые системы. СУБД. 2020. № 1. С. 28–29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.osp.ru/os/2020/01/13055349 (дата обращения: 30.10.2020).
3. Смелых С. Carpgemini: пандемия сломала привычный подход к аналитике данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.itweek.ru/bigdata/article/detail.php?ID=213880> (дата обращения: 30.10.2020).

4. Преймсбергер К. Новые функции бизнес аналитики в принятии ИТ-решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=188067> (дата обращения: 30.10.2020).
5. Российский рынок банковской информатизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Российский_рынок_банковской_информатизации (дата обращения: 30.10.2020).
6. BI и Бизнес-Аналитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php/BI> (дата обращения: 30.10.2020).

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN DATA ANALYSIS SYSTEMS IN THE ECONOMY

A.N. Borodulin

Tver State Technical University, Tver

The article discusses the main trends in the development of software in the field of business analysis. Promising directions of using software tools for analytical processing of economic data in recent years are identified. The authors also substantiate ways to solve problems in the information support system for companies activities caused by the pandemic and the global economic crisis.

Keywords: *data analytics, economic systems, economic processes, information technologies.*

Об авторе:

Бородулин Алексей Николаевич – кандидат технических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь, Россия. E-mail: bor74@mail.ru

Author information:

Borodulin Alexey Nikolayevich – PhD (Engineering), Associate Professor of Department of Accounting and Finance, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: bor74@mail.ru

УДК 332.05

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю.Н. Самылина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Самылина Ю.Н., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-85-90

В статье проведен структурный анализ производства продукции сельского хозяйства Тверской области за период 1990–2019 гг. Раскрыта значимость отрасли как на государственном, так и региональном уровне. Дана сравнительная характеристика структуры производства продукции растениеводства и животноводства, определена специализация аграрного сектора региона.

Ключевые слова: сельское хозяйство, продукция растениеводства, продукция животноводства, аграрный сектор, структура производства, объемы производства.

Сельское хозяйство, являясь одной из основных отраслей национальной экономики, играет ключевую роль в формировании предложения как на рынке сельскохозяйственной продукции, так и продукции пищевой промышленности. Необходимо отметить, что отрасль занимает центральное место в агропромышленном комплексе, так как, с одной стороны, аграрный сектор производит сырье для перерабатывающей промышленности, а с другой – формирует постоянный спрос на сельскохозяйственную технику, оборудование, горюче-смазочные материалы и другие материально-технические ресурсы.

На долю сельского хозяйства в России в 2018–2019 гг. приходилось порядка 3,5 % ВВП, что является довольно значимым в отраслевой структуре производства продукции. По итогам первого квартала 2020 г. производство ВВП от сельского хозяйства составило 424 млрд рублей [6].

Сельское хозяйство Тверской области (одна из отраслей региональной экономики) в 2005–2019 гг. производило от 4,9 до 6,3 % ВРП [8]. Удельный вес продукции сельского хозяйства региона в структуре аграрного производства России составляет 0,7 %, в том числе продукция животноводства – 1,1 %, продукция растениеводства – 0,4 % (табл. 1).

Таблица 1

Место и удельный вес Тверской области в производстве продукции сельского хозяйства Российской Федерации в 2019 г. [4]

Показатель	Место, занимаемое субъектом федерации	Удельный вес продукции субъекта в продукции сельского хозяйства России
Продукция сельского хозяйства	48	0,7
В том числе:		
продукция растениеводства	54	0,4
продукция животноводства	35	1,1

Представленные в табл. 1 данные позволяют заключить, что Тверская область в производстве продукции сельского хозяйства занимает 48-е (далеко не последнее) место, так как всего в ранжировании представлено 84 федеральных округа и входящих в них регионов. Среди регионов Центрального федерального округа по удельному весу произведенной аграрной продукции Тверская область опережает Владимирскую (0,5 %), Ивановскую (0,3 %), Костромскую (0,5 %), Смоленскую (0,5 %) области, а по животноводческой продукции – еще Рязанскую (1 %) и Орловскую (0,9 %) [4].

Структурный анализ производства сельскохозяйственной продукции предполагает рассмотрение его состава и структуры как по отраслям сельского хозяйства (рис. 1), так и по категориям товаропроизводителей.

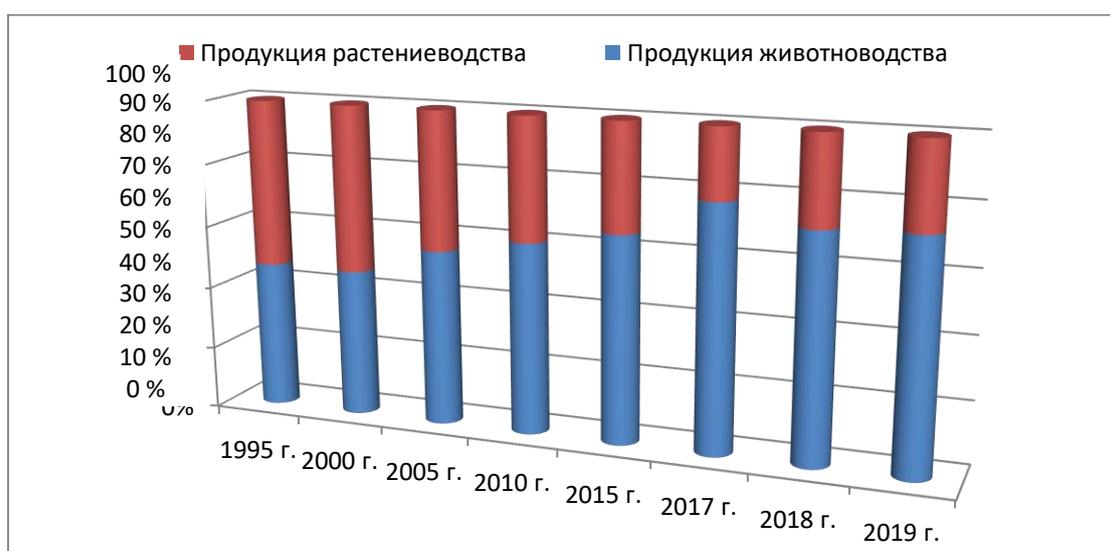

Рис. 1. Структура производства сельскохозяйственной продукции по отраслям в Тверской области в 1995–2019 гг. [5; 8]

Следует отметить, что на протяжении довольно продолжительного периода времени в Тверской области отрасль сельскохозяйственного производства характеризовалась животноводческой направленностью (см. рис. 1). Иными словами, традиционно сельскохозяйственные товаропроизводители региона специализируется на производстве молока и мяса.

Таким образом, отраслевая структура производства сельскохозяйственной продукции в Тверской области в 2010–2019 гг. отличается от ситуации 1995–2000 гг. В последние 15 лет отмечается рост удельного веса животноводческой продукции (с 56 % в 2005 г. до 73 % в 2019 г.). Указанный факт позволяет сделать вывод об усилении специализации региона на производстве животноводческой продукции.

Однако если проанализировать объемы производства продукции животноводства, то можно увидеть сокращение производства молока в регионе в 2019 г. к уровню 1990 г. в 4,1 раза (с 881,3 до 215,4 тыс. тонн), а по отношению к уровню 2010 г. – в 1,4 раза.

Производство мяса скота и птицы (в убойном весе) составляло в 2019 г. только 69,5 % к уровню 1990 г. Резкий спад производства указанной продукции наблюдался с 1990 по 2005 гг. (с 197 до 40,5 тыс. тонн). В последующие годы ситуация начинает стабилизироваться: с 2010 по 2018 гг. наблюдается устойчивая тенденция к росту производства (с 58,9 до 144,1 тыс. тонн). В 2019 г. вновь отмечено незначительное сокращение производства мяса до 138,1 тыс. тонн. Одним из основных факторов роста объемов производства мяса можно считать увеличение поголовья свиней (с 104,3 тыс. голов в 2005 г. до 587 тыс. голов в 2018 г.) [3, с. 343; 5].

Как это было указано ранее, отрасль растениеводства региона производит около трети сельскохозяйственной продукции. По большей части растениеводство обеспечивает потребности животноводства, так как порядка 80 % посевных площадей используется для посева и посадки кормовых культур. Товарная продукция отрасли представлена в основном картофелем и льном.

Отрасль льноводства традиционно была развита в Тверской области, однако и в производстве льноволокна отмечены те же негативные тенденции, что и при производстве молока и мяса. В 2019 г. было произведено 5 тыс. тонн льноволокна, что в 9,3 раза меньше, чем в 1990 г., а также в 2 раза меньше, чем в 2005 г. [3, с. 345; 5].

Несколько иная ситуация наблюдается в регионе с производством картофеля: с 2016 г. отмечен устойчивый рост производства продукции (с 171,5 тыс. тонн в 1990 г. до 282,2 тыс. тонн в 2019 г.). Однако к уровню 1990 г. производство картофеля в 2019 г. составляет только 47,3 %. Производство зерна и зернобобовых сокращалось еще более быстрыми темпами (с 722,4 тыс. тонн в 1990 г. до 122,1 тыс. тонн в 2019 г., или 5,9 раза). В 2019 г. отмечено значительное увеличение производства зерна и зернобобовых по отношению к 2018 г. (в 1,5 раза).

Структурные изменения в производстве сельскохозяйственной продукции региона произошли не только в отрасли, но и по категориям сельскохозяйственных товаропроизводителей (рис. 2).

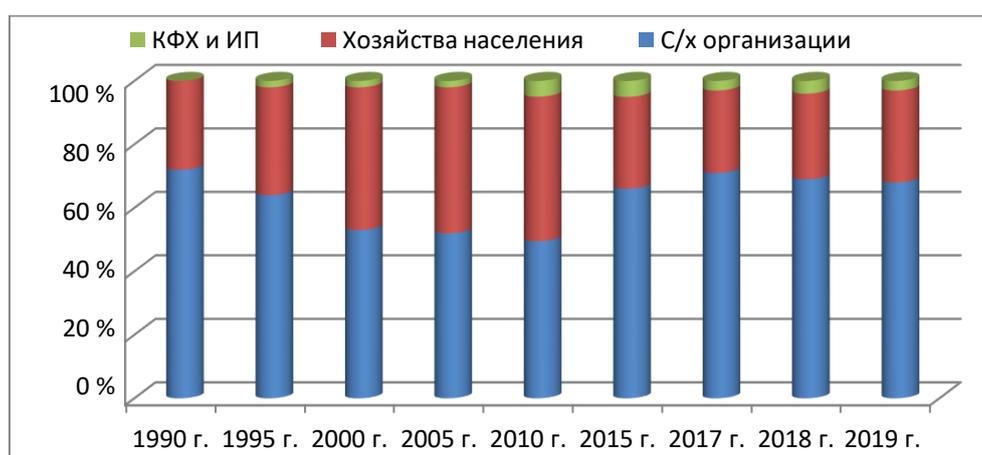

Рис. 2. Структура производства аграрной продукции в Тверской области по категориям сельскохозяйственных товаропроизводителей в 1990–2019 гг.:

КФХ – крестьянские фермерские хозяйства;
ИП – индивидуальные предприниматели [2; 7]

На основе представленной информации (см. рис. 2) можно сделать вывод, что основными производителями аграрной продукции в регионе, несмотря на все проводимые реформы, были и остаются сельскохозяйственные организации. Доля участия крестьянских фермерских хозяйств в производстве продукции аграрного сектора является незначительной, а именно 3 % в 2019 г., т. е. вопреки ожиданиям фермеры «не накормили» страну.

Период реформ и постреформенный период несколько ослабили позиции сельскохозяйственных предприятий и привели к сокращению их доли с 72 % в 1990 г. до 50 % в 2010 г. Но начиная с 2015 г. сельскохозяйственные предприятия практически вернули утраченные позиции.

Рассмотрим структуру производства продукции растениеводства и животноводства по категориям товаропроизводителей (табл. 2).

Таблица 2

**Состав и структура отраслевого
сельскохозяйственного производства
Тверской области по категориям товаропроизводителей [1; 5]**

Категория сельскохозяйственных товаропроизводителей	Год									
	2005		2010		2015		2018		2019	
	млн рублей	%	млн рублей	%	млн рублей	%	млн рублей	%	млн рублей	%
Продукция растениеводства										
Сельскохозяйственные организации	1 124,2	34,2	1 417,0	26,8	3 482,7	37,9	2 970,3	32,1	3 586,1	31,7
Хозяйства населения	2 076,0	63,1	3 640,7	68,7	4 742,9	51,6	5 511,1	59,5	6 838,3	60,5
Крестьянские фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели	89,8	2,7	238,2	4,5	960,6	10,5	774,3	8,4	886,1	7,8
<i>Итого</i>	<i>3 290,0</i>	<i>100</i>	<i>5 295,9</i>	<i>100</i>	<i>9 186,1</i>	<i>100</i>	<i>9 255,7</i>	<i>100</i>	<i>11 310,6</i>	<i>100</i>
Продукция животноводства										
Сельскохозяйственные организации	4 179,0	60,9	7 251,2	60,2	16 575,7	78,1	23 807,5	80,2	24 698,5	81,5
Хозяйства населения	2 492,4	36,3	4 323,0	35,9	4 186,1	19,7	5 450,0	18,4	5 190,6	17,1
Крестьянские фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели	194,0	2,8	474,2	3,9	472,8	2,2	413,7	1,4	407,9	1,4
<i>Итого</i>	<i>6 865,4</i>	<i>100</i>	<i>12 048,4</i>	<i>100</i>	<i>21 234,6</i>	<i>100</i>	<i>29 671,2</i>	<i>100</i>	<i>30 297,0</i>	<i>100</i>

Отраслевая структура аграрного производства региона неоднородна, т. е. за последние 15 лет основными производителями продукции растениеводства являются хозяйства населения, на долю которых приходится от 59,5 до 68,7 % в разные годы анализируемого периода. Определяющая роль в производстве продукции животноводства принадлежит сельскохозяйственным предприятиям. Причем наблюдается устойчивая тенденция увеличения их доли с 60,9 до 81,5 % за период 2005–2019 гг.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют заключить, что отраслевая специализация региона за анализируемый период (1990–2019 гг.) не изменилась и имеет животноводческую направленность. Но отмечен спад производства всех видов сельскохозяйственной продукции. Основные структурные сдвиги в производстве продукции сельского хозяйства региона произошли в отношении таких участников аграрного производства, как хозяйства населения и сельскохозяйственные предприятия. На хозяйства населения приходится наибольший удельный вес произведенной продукции растениеводства. В свою очередь, ключевую роль в производстве продукции животноводства играют сельскохозяйственные предприятия.

Библиографический список

1. Продукция сельского хозяйства в 2018 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tverstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tverstat/resources/adc2b88048e78453bcf4bdb3ce167dd4/Продукция+сельского+хозяйства+в+2018+году.htm (дата обращения: 27.10.2020).
2. Самылина Ю.Н. Экономические основы агропромышленной интеграции в АПК региона (на материалах Тверской области): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2003. 149 с.
3. Самылина Ю.Н., Федорова Т.Н. АПК Тверской области: состояние и перспективы развития межотраслевых хозяйственных // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 2. С. 339–350.
4. Сельское хозяйство в России. 2019: статистический сборник. М.: Росстат, 2019. 91 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (дата обращения: 27.10.2020).
5. Социально-экономическое положение Тверской области за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tverstat.gks.ru/folder/24544?print=1> (дата обращения: 28.10.2020).
6. Структура ВВП России 2020 по отраслям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bankiros.ru/wiki/term/struktura-vvp-rossii-po-otraslam> (дата обращения: 29.10.2020).
7. Социально-экономическое положение Тверской области. 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gks.ru/region/doc1128/Main.htm> (дата обращения: 28.10.2020).
8. Удельный вес продукции животноводства в продукции сельского хозяйства в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr-jiv.xls> (дата обращения: 29.10.2020).

**STRUCTURAL ANALYSIS
OF AGRICULTURAL PRODUCTION
(BASED ON MATERIAL FROM THE TVER REGION)**

Y.N. Samylina

Tver State Technical University, Tver

A structural analysis of agricultural production in the Tver region for a fairly significant period of 1990–2019 was carried out the significance of the industry, both at the state and regional levels, was Revealed. The comparative characteristics of the structure of production of crop and livestock products are given, and the specialization of the agricultural sector of the region is determined.

Keywords: *agriculture, crop production, livestock production, agricultural sector, production structure, production.*

Об авторе:

Самылина Юлия Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: yusamyлина@yandex.ru

Author information:

Samylina Yuliya Nikolaevna – PhD (Economical Science), Associate Professor, Associate Professor of Accounting and Finance of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: yusamyлина@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать ранее не публиковавшиеся результаты исследований. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек.

Не допускается дословное цитирование без кавычек чужих и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в Российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора MicrosoftWord.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – TimesNewRoman, размер шрифта – 12 пт, абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами), выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа. Далее пропуск одной строки, после заголовка пропуск одной строки, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится. Затем пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **MicrosoftEquation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники приводятся в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – зам. главного редактора, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственной медицинской университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Беденко Надежда Николаевна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Республика Беларусь, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – доктор философских наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ЭЛ № ФС 77 – 74959 от 25.01.2019 года.

Индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, каб. 425А.

Телефон редакции: (4822) 784190, доб. 1, адрес электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 4 (23), 2020

Редактор Ю.А. Якушева
Корректор Я.А. Петрова